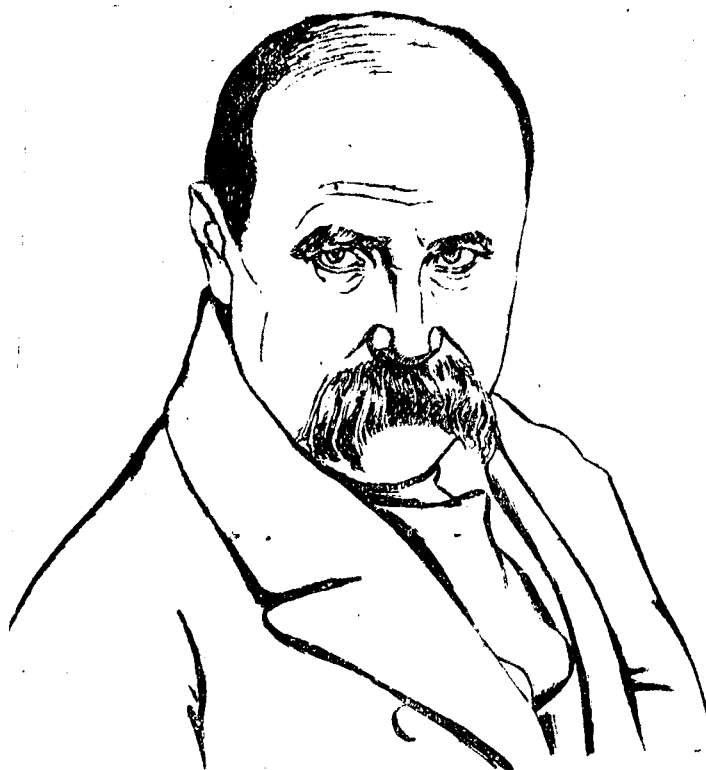

367235

Шевченко, Т.
Крозарь,
(выбранные стихи)

ТАРАС ШЕВЧЕНКО
КОБЗАРЬ
(ИЗБРАННЫЕ СТИХИ)

СОВЕТСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ УКРАИНЫ

1 9 4 2

ОГЛАВЛЕНИЕ

	Стр.		Стр.
Павло Тычина—Гнев Шевченка.	5	Ой, баю-баю, качаю сына. Перев. В. Звягинцевой.	55
КОБЗАРЬ		Я в орешник, в лес ходила. Перев. Н. Ушакова	56
Льется речка в сине море. Перев. Н. Гербеля	13	В воскресенье да ранешенько. Перев. Г. Петникова	56
Думы мои, думы мои. Перев. А. Суркова.	13	Протоптала тропочку. Перев. Н. Ушакова.	57
Перебендя. Перев. Н. Гербеля	15	И широкую долину. Перев. Е. Нежинцева	57
Для чего мне черны брови. Перев. Н. Гербеля	17	Кабы мне монисто, родная. Перев. П. Панченко	57
Шелестит ветер осокой. Перев. Н. Асеева	18	Не вернулся из похода. Перев. Н. Асеева.	58
Гамалея Перев. Н. Асеева	18	За солнцем облачко плывет. Перев. Н. Брауна	58
Сон. Перев. В. Цвелева	22	И тернистый и колючий. Перев. С. Гордеева	59
Что же мне так тяжко? Перев. Ф. Сологуба	30	Зацвела в долине. Перев. Е. Нежинцева	59
Еретик. Перев. В. Рождественского	30	Среди красот змного рая. Перев. А. Колтоновского	60
Кавказ. Перев. П. Антокольского	37	В светлый праздник на соломе. Перев. М. Комиссаровой	62
Холодный Яр. Перев. А. Ромма	40	Бывает, иногда старик. Перев. Н. Ушакова	62
Как умру—похороните. Перев. Н. Тихонова	41	И золотую и дорогую. Перев. М. Зенкевича.	63
Мне безразлично, жить я буду. Перев. А. Суркова	42	Когда б вы знали, господа. Перев. А. Глобы	63
Три дороги. Перев. М. Исаковского	42	Огни горят, оркестр играет. Перев. Ф. Сологуба	64
Н. Костомарову. Перев. Г. Владимирского	43	Мне снился сон. Перев. И. Белоусова	65
Вишневый садик возле хаты. Перев. Н. Ушакова	43	Юродивый. Перев. А. Суркова	65
Над полями идет. Перев. Г. Владимирского	44	Доля. Перев. Г. Литвака	67
N. N. (Солнце заходит, горы чернеют). Перев. Г. Владимирского	44	Муза. Перев. М. Рыльского	67
N. N. (Уж мне двенадцать миновало). Перев. Г. Владимирского	44	Сон. Перев. А. Плещеева.	68
Чернец. Перев. В. Рождественского	45	Я, чтоб не сглазить, не хвораю. Перев. А. Колтоновского	68
Платок. Перев. Л. Мея	47	Федору Ивановичу Черненко. Перев. Б. Турганова	69
А. О. Козачковскому. Перев. Г. Владимирского	49	Сестре. Перев. В. Саянова.	69
П. С. (Злой мне не страшен..). Перев. П. Панченко	51	Девушка мила, красива. Перев. В. Звягинцевой	69
И сонные волны, и мутное небо. Перев. Н. Ушакова	52	Ой, дуброва темноброва. Перев. Н. Асеева	69
Не для людей и не для славы. Перев. Н. Ушакова	52	Над днепровскою водою. Перев. Л. Вышеславского	69
Если б пару мне сапожек. Перев. Н. Ушакова	53	Свет мой ясный, свет мой тихий. Перев. Ф. Сологуба	69
Муженька я дорогого. Перев. Н. Ушакова	53	Хотя лежачего не бьют. Перев. А. Суркова.	69
У той Катри-Катерины. Перев. Н. Ушакова	54	О, люди бедные земные. Перев. Ф. Сологуба	69
Из-за рощи солнце всходит. Перев. Н. Ушакова	55	Течет вода от явора. Перев. П. Панченко	69

Переводы под редакцией *М. Рыльского* и *Н. Ушакова*.

Редакторы-составители: *М. Рыльский* и *Н. Рыбак*.

Подписано к печати 27.VI.1942 г. 5 печ. лист. П. 2048. Зак. № 1797. Тир. 20.000
Типография „Октябрьский натиск“.

ГНЕВ ШЕВЧЕНКА

В суровое и грозное время встречаем мы весну 1942 г. Фашистский зверь Гитлер вот уже десять месяцев сеет на оккупированных им землях — смерть, разрушение и пожары. Одной из первых республик Советского Союза, подвергшихся нападению берлинского людоеда, была Украина. Решив уничтожить украинский народ, фашистский зверь снабдил своих гитлеровских молодчиков — кроме оружия — еще и виселицами, петлями готовыми, карманами грабительскими бездонными, приказами дикими, жестокими — стрелять в сокровища наши, в памятники старины и искусства. Тарасова могила в Каневе, могила певца свободы украинского народа — в первую же очередь была ими поварварски поругана и осмеяна.

Зверь насытый раскрывал уже свою пасть и на самое сердце нашей отчизны — Москву. Благодаря гениальному плану контрудара, контр-наступления, разработанному под непосредственным руководством Наркома Обороны И. В. Сталина, наша славная Красная Армия сломала врага, разбила немецкие армии, слывшие у них непобедимыми. Но враг еще не добит, он еще силен. А потому — каждое действие наше сегодня, каждое движение души должно быть направлено на то, чтобы окончательно уничтожить зверя.

В наши героические дни отечественной войны творчество Тараса Шевченка приобретает особо-важный характер: патриотизм поэта, его ненависть к врагам из восьмидесятилетней давности излучает на нас такие яркие снопы света, что мы не можем глаз своих оторвать от их могущества и блеска! Мы ловим в свои сердца эти излучения поэта-патриота и, преломив через эпоху нашу, посылаем их, — как заботу и любовь — красноармейцам, партизанам, — а озверевшему врагу, дикой грабьармии немецкой вечное презрение, ненависть и проклятия!

Смійся, лютий враже!

Та не дуже, бо все гине,—

Слава не поляже...

М. И. Калинин на 6-ой сессии Московского Областного Совета депутатов трудящихся сказал: «Все человеческие чувства — го-

ресть, гнев, ненависть — все это должно быть направлено на борьбу с немцами.»*) Вот почему мы сегодня украинского гения встречаем не как лирика только и повествователя, не как художника и философа, — а прежде всего: как патриота, глубоко ненавидевшего врагов, как гневного обличителя насытых. Мы из всей многогранности гения выбираем для себя одно чувство — гнев, ибо гнев этот особенно ценен для нас в настоящую минуту в борьбе с бандитами-людоедами, с разбойниками, с разрушителями культуры. Из всех изречений Шевченка, из всех лозунгов его и призывов — мы выбираем один, самый главный призыв — боевой клич его боевой поэзии: Нехай ворог гине!

Гнев Тараса Шевченка зародился еще тогда, в кровавое царствование Николая Палкина, когда поэт, сам будучи крепостным, на себе переживал все муки и страдания своих закрепощенных братьев крестьян, переживал их вместе с русскими революционерами-демократами — с Чернышевским, Добролюбовым, с Герценом. Гнев этот огнем высекался и в известной беседе с грузинским поэтом — Акакием Церетели, и в подписании протеста против антисемитского выступления журнала «Иллюстрация». Гнев этот еще более заострялся в ссылке и мужал: в Оренбурге среди угнетаемых царским правительством башкир и казахов, в Кос-Арале среди казахов и киргизов. «Караюсь, мучусь, но не каюсь» — вот что ответил Шевченко на хитрый вопрос царя: — а не хочет ли он покаяться? И Шевченко, куда бы его не забросила судьба — всегда был верен своему девизу: не каяться, не гнаться перед царями, — всегда прислушивался он к речи угнетенных народов, изучал их поэзию, фольклор, и поднимал людей на протест, на противодействие.

Французский писатель Мериме сказал про Тургенева, что тот двадцатью двумя выстрелами своих рассказов из цикла «Записки охотника» стрелял в сторону рабства, угнетавшего его страну. Какой же цифрой можно определить, исчислить выстрелы Тараса Шевченка? Взять хотя бы такие его произведения, как «Катерина», «Заповіт», как

*) Труд, 31/1 1942, № 26.

«Гайдамаки», «Еретик», «Кавказ» и «Сон». Да он стрелял в крепостничество и в виновников этого рабства—царей и панов — буквально каждым своим стихом, буквально каждой строкой своей поэтической. И когда этих выстрелов, по мнению Шевченка, было еще недостаточно, он призывал всем обществом «обух сталить», топор острить на проклятых тиранов!

Тарас Шевченко ненавидел тиранов особенно за то, что они, закабавляя народ украинский в рабство, пользовались в этом нечистом деле нечистыми руками немцев. Все эти Энгельгардты, Бенкендорфы, Дубельты, бароны фон-Корфы и др., усердно насаждаемые царями в качестве помещиков и чиновников, были самыми лютыми мучителями украинского народа, противниками его свободы и культуры. Немцам запроданы степи украинские — говорит Тарас Шевченко в поэме «Розрита могила». На хитрую, меркантильную немчуру жалеется он и Н. В. Гоголю (в стихотворении, посвященном великому сатирику). В знаменитой своей поэме «Сон», за которую царь Николай Палкин сослал поэта в Оренбург, Шевченко высмеивает своих же землячков-перевертней, настолько заглушенных «в немецких теплицах», что они уже и свой родной язык забыли. А в послании «І мертвим і живим і ненарожденим» Шевченко, не стерпев обиды за родину, наводненную немцами, открыто по лицу бьет перевертней своим хлыстом презрения:

Нема на світі України,
Немає другого Дніпра;
А ви претесь на чужину
Шукати доброго добра,
Добра святого. Волі! волі!
Братерства братнього. Найшли,
Несли... несли з чужого поля
І в Україну принесли
Великих слов велику силу,
Та й більш нічого.
...І знову шкуру дерете
З братів незрящих, гречкосіїв;
І сонця правди дозрівать
В німецькі землі, не чужії,
Претесь знову!..

...Ох, якби те сталось, щоб ви не вертались!
Щоб там і здихали, де ви поросли!

— Вы претесь в немецкие земли за просвещением, вы забываете свою историю, освободительные войны, а тем временем — говорит Шевченко — немчик угрожает вашей родине экономическим порабощением:

І на Січі мудрий німець
Картопельку садить.

Так до самой смерти своей не переставал Шевченко протестовать против порабощения,

не переставал протестовать против онемечивания Украины. Как близки, как понятны и созвучны его протесты нашему времени! В январе этого 1942 года в газете «Правда» было обнародовано обращение «К украинскому народу», подписанное Н. С. Хрущовым, М. С. Гречухой и Л. Р. Корнийцом, в котором ясно пред всеми нами был поставлен вопрос: «Будет ли украинский народ говорить на родном украинском языке или наши поколения будут онемечиваться?»*) Тарас Шевченко не только тех немцев ненавидел, что пьявками присосались к украинскому народу, но также и тех, что пили кровь человеческую в Чехии, Сербии, Моравии. В поэме своей «Еретик» он прославляет чешский народ за то, что тот героически боролся с немцами:

Слава тобі, любомудре,
Чеху-слав'янине,
Що не дав ти потонути
В німецькій пучині
Нашій правді.

И снова поражает нас пророческая созвучность этих слов Шевченка—нашему времени. Сегодня не дает потонуть славянскому миру в фашистской пучине весь советский народ и его родное детище—Красная Армия! Освобождение своих братьев украинцев Тарас Шевченко видел в братском единении народов:

І брат з братом обнялися
І проговорили
Слово тихої любові
Навіки і віки!
І потекли в одно море
Слав'янські ріки!

(«Еретик»).

Словно удары грома падали на голову царя и понемеченного панства эти слова Шевченка! И панство во главе с царем решило уничтожить поэта, — если не пулей из пушечного ствола, как Пушкина и Лермонтова, — если не петлей, как Рылеева, — то дающей ссылкой с запрещением писать стихи и брать палитру художника в руки.

Но Тарас Шевченко и после смерти своей оставался грозным и правдивым мстителем для врагов свободы Украины. Прометейски его широко свои крылья распростер и облетел весь мир. Достаточно сказать, что в праздновании трех десятилетий после смерти Шевченка — «Кобзарь» его за границей перепечатывается двенадцать раз! Выдающиеся паноэвропейские критики и поэты высоко оценили творчество Шевченка — да и поняли по почему. После смерти Генриха Гейне, навидевшего псевдопатриотизм «тевтоно-

*) Правда, 21/1 1942, № 21.

нов», после смерти Беранже, на фоне безнадежного рыдания Бодлера о кончине мира, на фоне бодлеровских плакальщиков-подражателей, проповедывавших отвращение к борьбе, — гневное слово Тараса Шевченка было таким свежим и необычайным! Гневное слово Тараса особенно созвучно было простолюдинам, беднякам, по названию только «гражданам» западных государств, — созвучно было всем тем угнетенным, над которыми виснули с кнутом в руке — в каждой стране — свои Наполеоны III и мучили народ не хуже Николая Палкина. За эту созвучность народ горячо воспринимал песни Тараса Шевченка и считал их своими, родными. В Болгарии, например, произведения Тараса Шевченка, будучи переведены на болгарский язык, настолько глубоко вошли в народ, настолько там в народной массе тысячу раз перешлифовались, видоизменились, что теперь эти произведения болгарские ученые записывают уже из уст народа — не как песни украинского гения, а просто как болгарский фольклор. Да, гневное слово Шевченка было тогда передовым и в Европе — и к этому не могли не прислушиваться на Западе. В 1878 году на конгрессе писателей, который проводил тогда в Париже Виктор Гюго, в докладе о запрещенной украинской литературе много было сказано именно про Тараса Шевченка. Этот доклад, напечатанный потом отдельной книжкой, передан был в руки Карла Маркса, и Карл Маркс, читая, сделал в нем свои пометки.

Как грандиозно шагнул Шевченко на своем пути поэтическом! — от поэта-крепостного до друга Чернышевского, как соратника по совместной борьбе с царизмом; от вынужденного пребывания в казахских степях — до момента прочтения его произведений Карлом Марксом... Такими шагами могли идти только тот поэт, который, по выраже-

нию А. М. Горького, есть «первый и востану народный поэт».

Какими грандиозными шагами шествует Шевченко и сейчас — по республикам Советского Союза, по всей нашей славной отчизне, когда о влиянии его поэзии на свою говорят русские поэты, белорусские, армянские, чувашские, грузинские, еврейские, башкирские. Казахские же поэты называют Шевченка своим, родным и «любимым Тарасом».

Теперь, когда гитлеровские собаки хотят поработить нашу родину — на защиту встали все народы Советского Союза! Надежды врагов на расчленение страны советом путем внесения национальной розни — были биты с первых же дней отечественной войны. Сталинская дружба народов — одна из самых могучих крепостей наших, о которую в прах разобьются гитлеровские орды. Сталинская дружба наша — в числе прочих основ — зиждется на взаимном обмене культурными ценностями советских народов. И если украинцам близок и понятен Пушкин, Шота Руставели, Ованес Туманян, Фатали Ахундов, Габдулла Тукай, Мажит Гафури, — то для всех народов Советского Союза также близок сегодня и понятен Тарас Шевченко.

В многочисленных письмах красноармейцев (не только украинцев!), в письмах поступающих в Союз Писателей, в наши редакции, в Академию Наук, — есть одна, без конца повторяющаяся, просьба — выслать «Кобзарь» Шевченка на фронт. Так гневное слово Тараса помогает нам сегодня и духовным оружием в борьбе против жестоких поработителей. И мы, вместе со своим поэтом еще громче поднимем клич боевой: **Нехай ворог гине!**

ПАВЛО ТЫЧИНА

Апрель 1942 г.

К О Б З А Р Ь

* * *

Льется речка в сине-море,
Да не вытекает;
Ищет доли казачина,
Долюшки не знает.
И пошел казак по свету;
Шумит сине-море,
Бьется сердце казацкое,
А рассудок спорит:

«Ты куда идешь — не спросишь?
На кого покинул
Мать, отца, свою дивчину,
Бросил все — и сгинул?
Там не те — иные люди;
Тяжко жить меж ними:
Не с кем будет поделиться
Думами своими».

И сидит казак над морем, —
Шумит сине-море;
Думал, доля повстречает, —
Повстречало горе.
Журавли летят за море,
И в сердце тревога:
Плачет казак, — терновником,
Заросла дорога...

1838 г.

* * *

Думы мои, думы мои,
Горе, думы, с вами.
Что вы встали на бумаге
Хмурыми рядами?
Что вас ветер не развеял
Пылью на просторе,
Что вас ночью, как ребенка,
Не приспало горе?..

Ведь вас горе на свет на смех породило,
Поливали слезы... Что ж не затопили?
Не вынесли в море, не размыли в поле?..
Люди не спросили б, что болит в груди,
Почему, за что я проклиная долю,
Почему томлюся... «Ничего, иди!»
Не сказали б на смех...

Цветы мои, дети,
Зачем вас лелеял, зачем охранял?
Заплачет ли сердце одно на всем свете,

Как я с вами плакал?..

Может, угадал...

Может, девичье найдется
Сердце, кари очи,
Что заплачут с вами, думы, —
Большого ли хочешь?
Лишь одна б слеза скатилась..
И — пан над панами!
Думы мои, думы мои,
Горе, думы, с вами.

Ради глаз девичьих карих,
Ради черной брови
Сердце билось и смеялось,
Выливалось в слове.
В слове этом возникали
И темные ночи,
И вишневый сад зеленый,
И ясные очи,
И поля, и те курганы,
Что на Украине..
Сердце млело, не хотело
Песен на чужбине.
На совет казачье войско.
Меж сугробов белых,
С бунчуками, с булавами
Скликать не хотело..
Пусть на вольной Украине
Души их витают, —
Там веселье, там просторы
От края до края..
Как та воля, что минула,
Днепр широкий — море,
Степь и степь, ревут пороги,
И курганы-горы.
Там родилась, красовалась
Казачья воля;
Там татарами и шляхтой
Засевала поле.
Засевала трупом пбле
Воля, опочила,
Отдыхает. И над нею
Выросла могила.
И над нею орел черный
Сторожем летает.
Кобзари о ней народу
Песни распевают.
Распевают про былое
Голодным, незрячим.
Им поется... А я... А я..

Только горько плачу.
 Только плачу об Украйне,
 А слов нехватает...
 А о горе?.. Да чур горю,
 Кто его не знает?
 А кто пристально посмотрит
 На людей душою, —
 Ад ему на этом свете,
 На том же.. Тоскою
 Себе счастья не накличу,
 Коль его не знаю:
 Пусть же злыдни живут три дня, —
 Я их закопаю.
 Закопаю, пусть у сердца
 Грусть-змея свернется,
 Чтобы враг мой не слышал,
 Как горе смеется.
 Дума пусть себе, как ворон,
 Летает и кричат,
 А сердечко соловейком
 И поет, и плачет
 Тихо, — люди не увидят
 И не посмеются...
 Слез моих не утирайте,
 Пусть ручьями льются,
 Пусть слеза чужое поле
 Моет дни и ночи,
 Пока попы не засыпят
 Чужим прахом очи.
 Так-то, так-то... Что же делать?
 Тоска не поможет.
 Кто ж завидует нам, сирым,
 Карай того, боже!

Думы мои, думы мои,
 Цветы мои, дети!
 Я растил вас, я берег вас,
 Где ваш кров на свете?
 В край родной идите, дети,
 К нам на Украину,
 Под плетнями, сиротами,
 А я здесь уж сгину.
 Сердце друга там найдете,
 Оно не лукаво,
 Чистую найдете правду,
 Может быть, и славу.

Привечай же, мать-отчизна,
 Моя Украина,
 Моих деток неразумных,
 Как родного сына!

1839 г.

ПЕРЕБЕНДЯ

Перебендя, старый, хилый —
 Кто его не знает?
 Он шатается повсюду
 С кобзой да играет.
 Кто играет — того знают,

Любят, уважают:
 Сам кручинится, а людям
 Горе разгоняет.
 Он и днюет и ночует
 В поле, сиротина;
 Хаты нет у горемыки,
 Шутит с ним судьбина,
 Издевается над старым,
 А кобзарь ни слова;
 Сядет где-нибудь, заганет:
 «Не шуми, дуброва!»
 Запоет, да и припомнит,
 Что он сиротина:
 Потоскует, погорюет,
 Сидя под лозинной.

Вот такой-то Перебендя,
 Странный да бывалый:
 Песнь про Чалого затянет,
 Кончит разудалой;
 В поле с девками — поет им
 «Гриця» да «Веснянку»;
 В кабаке же с молодцами —
 «Сербина», «Шинкарку»;
 С молодцами на свадьбе
 (Где свекруха злая) —
 Про тополи, злую долю,
 А потом — «У гаю»;
 На базаре — «Лазарь»-песню,
 Иль, чтоб люди знали,
 Запоет, как Сечь родную
 Войска разоряли.
 Вот такой-то Перебендя,
 Старый да капризный:
 Засмеется, а окончит
 Плачем, укоризной.

Ветер веет-повевает,
 По полю гуляет.
 На могиле Перебендя
 Песни распевает.
 Степь широкая, как море,
 Вкруг него синее;
 За могилою могила,
 Дальше — чуть виднеет..
 Старый ус с седой чуприной
 Ветер развеивает,
 То приляжет и внимает,
 Как кобзарь играет,
 Как сердце смеется, как очи рыдают...
 Послушает, встанет — и вновь повевает
 Старик приютился в степи на могиле,
 Чтоб вихри по полю слова разносили,
 Чтоб люди не слышали слова благого,
 Затем, что то слово — есть божие слово
 То с господом сердце беседу ведет,
 То сердце господнюю славу поет;
 А дума орлом сизокрылым летает
 И небо лазурное крыльями бьет;
 Подымется к солнцу, летит, вопрошает:
 Где солнце ночует, как солнце встает.
 Послушает моря, что думает море,

И у горы спросит: «Зачем ты нема?»
 И снова на небо, подальше от горя,
 Затем, что на свете нет места угла
 Тому, кто все знает, тому, кто все чуёт:
 Что думает море, где солнце ночует.
 Никто приютить бедняка не берет.
 Как солнце, меж ними один он, избранный.
 Все знают его: он на свете живет;
 А если б узнали, что он, бесталанный,
 Поет на могиле, с волной говорит,
 В нем божие слово они б осмеяли,
 Глупцом бы назвали, из хаты прогнали:
 «Пускай он, — сказали б, — над морем
 сидит!»

Хорошо, кобзарь мой милый,
 Делаешь, что ходишь
 Петь и думать на могилу,
 Речи с ней заводишь!
 Приходи, пока, мой голубь,
 Сердце не остыло;
 Пой, чтоб люди не слыхали,
 Как поешь уныло.
 Пой, чтоб люди не чуждались,
 И малым, и старым!
 Скачи, враже, як пан каже, —
 Он богат недаром.

Вот такой-то Перебендя,
 Старый да капризный!
 Грянет «Горлицу», а кончит
 Плачем, укоризной.

839 г.

Для чего мне черны брови,
 Молодые годы?
 Для чего мне кари очи,
 Девичья свобода?
 Даром годы молодые
 Блекнут, увядают,
 Очи плачут, черны брови
 С ветром выпадают.
 Сердце пташкою в неволе
 Вянет без участия.
 Что мне в том, что я пригожа,
 Если нету счастья?
 Тяжело на белом свете
 Жить мне сиротою:
 Меж своимн, меж родными
 Стала я чужою.
 И никто меня не спросит,
 Что так плачут очи,
 Что так сердце молодое
 Ноет дни и ночи.
 Что так сердце, как голубка,
 День и ночь воркует...
 Ой, никто его не спросит,
 Сердцем не почует,
 Не поймут чужие люди...

И к чему тревожить?..
 Разве скажут: пусть поплачет,
 Если плакать может!
 Плачь же, сердце, плачьте, очи,
 Если плакать в силе,
 Громче, жалобней, чтоб слышал
 Ветер на могиле;
 Чтобы снес те слезы буйный
 За синее море,
 Чернобровому злодею
 На лихое горе!

1839 г.

Шелестит ветер осокой,
 Шепчется с листвою,
 Плывет челнок по Дунаю,
 Гонимый волною.
 Поверх челна шумит волна —
 Никто не приметит,
 Кому глядеть? Хозяина
 Давно нет на свете:
 Поплыл челнок в сине-море,
 А оно взыграло,
 Поднялися волны-горы —
 И щепок не стало.
 Короткий путь... Что челноку
 До синего моря,
 Сиротине — до чужбины...
 А там... и до горя.
 Забьют его добры люди —
 Ледяные волны;
 Потом станут удивляться,
 На что он в обиде.
 Потом спросят: куда делся?
 Никто и не видел!

1841 г.

ГАМАЛЕЯ!*¹

«Ой не льнет, не вьет ни волны, ни ветра
 От матери Украины.
 Там идут ли речи про поход на турок —
 Не слышно нам на чужбине.
 Ой подуй, подуй, ветер через море
 От Великого Луга²,
 Высуши нам слезы, размечи заботы,
 Развей нашу тугу³.
 Ой взиграй, взиграй синевую, море,
 Колоти в борт волнами...
 Лишь мелькают шлыки — то плывут казаки
 К султану за нами.
 Ой боже ж, наш боже, хоть и не за нами —
 Неси ты их с Украины:
 Услышим про славу, казацкую славу,
 Услышим и свет покинем.»

* Примечания под соответствующими цифрами
 смотри в конце книги.

Вот эдак в Скутари⁴ казаки стонали,
 Стонали родные, а слезы лились,
 Казацкие слезы тоску разжигали..
 Босфор⁵ задрожал — потому не привык
 К казацкому плачу: вскипел величавый,
 И серую шкуру подернул, как бык,
 И дрожь пробежала далеко, далеко,
 И рев его к синему морю дошел,
 И море отгрянуло голос Босфора
 В Лиман покатило и дальше в просторы,
 И в Днепр этот голос волной донесло.
 Загрохотал старик наш дюжий,
 Аж ус от пены побелел:
 «Ты спишь? Ты слышишь! Братец Луже,
 Сестра Хортица⁶!»

Загудел

Луг за Хортицей: «Слышу! Слышу!»
 И Днепр покрыли челноки,
 И песню взвили казаки:

«У турчанки — высок терем,
 Золстые гвозди;
 Гей, гей, море, бей,
 Выше скал волны взвей —
 Поехали в гости!

У тех турок из-под бурок
 Золото лучами;
 Не о золоте речь:
 Едем резать и жечь,
 Братов выручаем.

У турчанки — янычары⁷
 Со своим пашою..
 Гей, ги! вороги!
 Свою жизнь береги —
 Мы смелы душою.»

Плывут себе под песенки,
 Погода крепчает..
 Впереди их Гамалея,
 Дубом управляет.
 Гамалея, сердце млеет!
 Задурило море:
 Не сробеем! И скрыли их
 Волны-горы вскоре.

Чуть дремлет в гаремном раю Византия⁸,
 И дремлет Скутари. Босфор же не спит,
 Он точно безумный гнет волны крутые,
 Он сон их встревожить желает, кипит.
 «Не тебе, Босфору, вступать со мной
 в ссору!» —

Шумит ему море: «Я твою красу
 Песком перекрою, коль дойдет до спору.
 Разве ты не видишь, каких я несу
 Посланцев к султану?..»

Так море роптало
 (Любило отважных чубатых славян).
 Босфор усмирился. Турчанка дремала.
 Расслабленный грезил в гареме султан.

И только в Скутари глаза не смыкают
 Бедняги казаки. Чего они ждут!
 По-своему небу мольбы посылают,
 А волны на берег бегут и ревут.

«О, милый боже Украины,
 Не дай погибнуть на чужбине
 В неволе вольным казакам:
 И тут позор, позор и там —
 Встать из чужих гробов с повинной,
 На суд твой праведный притти,
 В железах руки принести,
 Всем на виду в цепях и ранах
 Предстать казакам..»

«Режь и бей,
 Крой нечестивца-басурмана!»
 Крик за стеною. Голос чей?
 Гамалея, что с тобою?
 «Друзья за стеною.
 Режьте, бейте!» — над Скутари
 Гремит Гамалея.

Грохочет пушками Скутари,
 Быстрее молний блеск клинков;
 Но страха нет у казаков,
 И побежали янычары.

Гамалея по Скутари
 В пламени гуляет,
 Сам темницу разбивает,
 Сам цепи сбивает.

«Вылетайте, серы птахи,
 В родимую стаю!»
 Встрепенулись соколята,
 Распрямили плечи,
 Давным-давно не слышали
 Христианской речи.
 Испугалась ночь-старушка
 Казачьей пирушки;
 Не пугайся, поллюбуйся
 На разгул, на буйство.
 Темно всюду, точно в будни,
 А праздник не малый:
 Не злодеи с Гамалеем
 Жуют молча сало
 Без шашлыка. «Осветим пир!»
 До облак из гари —
 С мачтовыми кораблями
 Пылает Скутари!
 Византия пробудилась,
 Глазищами блещет,
 Плывет своим на подмогу,
 Зубами скрежещет.

Ревет, ярится Византия,
 Руками берег достает.
 Достала, гикнула, встает
 И — на ножи валится злые.
 Скутари словно ад пылает,
 Через базары кровь течет,

Босфора волны подымает.
 Как птиц разбуженная стая,
 В дыму казачество летает:
 Никто от мести не уйдет,
 Жар закаленных не сожжет.
 Ломают стены. Золотыми
 До верху шапки их полны,
 Ссыпают золото в челны...
 Горит Скутари. В сизом дыме
 Казаки сходятся. Сошлись,
 От жара люльки закурили,
 На челноки — и весла ввысь,
 И по волнам кровзвым взмыли.

Плывут себе точно дома,
 Словно на прогулке,
 И привычная казачья
 Гремит песня гулко:

«Атаман наш Гамалея
 Славно атаманит:
 Собрал он нас и поехал
 В море сквозь туманы —
 В море сквозь туманы,
 Через смерть и раны,
 Чтобы выручить из плена
 Тех, кто нам желанны!
 Ой, добрался Гамалея:
 До самой Скутари,
 Сидят братцы-запорожцы,
 Ожидают кары.
 Ой, как крикнул Гамалея:
 «Братцы! Будем здравы!
 Будем здравы, хлебом славы,
 Разметем оравы,
 А коврами их покроем
 Курени дырвы.»
 Вылетало Запорожье
 Жать жито на поле,
 Жито жали, в копны клали,
 Дружно запедали:
 «Слава тебе, Гамалея,
 На весь мир великий,
 На весь мир великий,
 По всей Украине,
 Что не дал ты запорожцам
 Пропасть на чужбине.»

Плывут под тот напев. Плывет
 В челне последнем Гамалея,
 Как старший стадо стережет...
 Из Дарданеллов⁹ ветер веет,
 Погоня их достать не смеет:
 Враги боятся, чтоб Монах¹⁰
 Не подпалил Галату¹¹ снова,
 Не вызвал чтоб Иван Подкова¹²
 На поединок на волнах.
 Встает волна за волною,
 Солнца отблеск впереди,
 Пучиною водяною
 Их качает на груди.

Гамалея, ветер веет,
 За кормою тучи.
 Все скрывают их сильнее
 Водяные кручи.

1842 г.

СОН

(Отрывки из поэмы)

Дух истины, его же мир не
 может прияти, яко не видит
 его, ниже знает его.

(Иоанна, гл. 14, стих 17).

У всякого своя доля
 И свой путь широкий;
 Тот возводит, тот ломает,
 Тот несатым оком
 За пределы мира смотрит
 И думает силой
 Урвать царство да с собою
 Унести в могилу.
 Тот тузами обирает
 Свата в его хате,
 Тот без шума на задворках
 Точит нож на брата.
 Тот, непьющий да смиренный,
 Богобоязливый,
 Как кошечка подкрадется,
 Выждет несчастливый
 Для тебя миг — и вопьется
 В печенку когтями.
 Не смягчат его и дети
 Своими мольбами!
 А тот, щедрый да богатый,
 Храмы воздвигает
 И «отчество» так любит,
 Так о нем страдает,
 Так из него, сердечного,
 Кровь, как воду, точит!
 А братия молчит себе,
 Выпучила очи,
 Как ягнята: «так, мол, надо,
 Такой выпал жребий...»
 Так и надо! Потому что
 Бога нет на небе!
 Вы под гнегом падаете,
 А за гробом, люди,
 Найти рай вы мечтаете...
 Но рая не будет!
 Труд напрасный! Образумьтесь!
 Все на этом свете
 И в палатах и в заплатах —
 Адамовы дети.
 Тот... и другой... А сам-то я
 Кто, добрые люди?
 Я гуляю и пирую
 И в праздник и в будень.

А вам тошно? Жалееете?
Слышать не хочу я.
Не шумите! Я свою пью,
А не кровь людскую.

Вот так по городу большому
С пирушки ночью, под хмельком,
Я шел, раскидывал умом,
Покамест не дошел до дому,
А дома деток не слышать,
Жена не бранится —
Райская светлица!
Повсюду божья благодать,
На сердце и в хате.
Вот улегся спать я.
А если выпивший заснет,
Хоть пушки громыхайте,—
Он глазом не моргнет.
И сон причудливый и дивный
Мне тут приснился.

И самый трезвый бы напился,
Скупой кабатчик дал бы гривну,
Чтоб посмотреть на те дива —
Да чорта с два!
Гляжу: как будто бы сова
Летит трупобами, лугами, берегами,
Да глубокими ярами,
Да широкими степями,
Да оврагами.
А я за нею, за совою,
Лечу, прощаюся с землею.

«Свет мой! Мир недружелюбный,
Прощаюсь с тобою,
Мои муки, мои злые
В тучи я укрою.
А ты, моя Украина,
Горькая вдовца,
Прилетать к тебе я буду,
Печалью делиться,
Из-за тучи на беседу,
На совет с тобою,
По ночам спускаться буду
С чистою росой.
Потолкуем, погорюем...
А там солнце встанет,
И малые твои дети
На врага восстанут.
Прощай же, моя родная,
Пускаюсь в дорогу.
Расти деток; жива правда
У господ-бога!»
Лечу... Смотрю — уже светает,
Край неба пылает,
Соловей в лесных потемках
Солнышко встречает.
Ветерок тихонько веет,
Равнины светлеют,
Между рвами над прудами

Вербы зеленеют.
Тучные сады склонились,
Тополы в приволье
Строят себе, как на страже,
Беседуют с полем,
И все это, вся округа,
Повита красой,
Зеленеет, умявась
Утренней росой.
Вечно будет умяваться,
Солнышко встречая...
И простору ни предела
Не видно, ни края.
Никто его не коснется,
Никто не разрушит...
И все это... Душа моя!
О чем ты горюешь?
Душа моя несчастная!
Что напрасно плачешь?

О чем сожалеешь? Ты не замечаешь,
Или ты не слышишь: плач людской горюч!
Приглядиись получше. А я в стаи туч
Полечу высоко, в синее сиянье:
Знаю, нет там власти, нет там наказанья,
Там людского смеха, стонов не слышать.
Посмотри: в раю том, что ты оставляешь,
С калеки сорочку рваную снимают,
С кожей снимают: не во что обуть
Недорослей барских. А там распинают
Вдовицу за подать, а сына берут.
В чем она повинна — вырастила сына,
А ее надежду в солдаты сдают.
Их ведь нехватает! А взгляни — под тыном
Голодный ребенок умирает там,
А мать жнет пшеницу панам-господам.

А там — видишь? Очи! Очи!
Зачем вы раскрылись?
Зачем в детстве не иссохли,
Слезой не излились?
Там бредет покрытка, к сердцу
Байстрюка прижала.
Родители оттолкнули,
Чужие не взяли,
Даже нищие обходят!
А барчук не знает:
Недоросль, поди, с двадцатой
Души пропивает!

Видит ли господь сквозь тучи
Наши слезы, горе?
Может, видит, а поможет,
Как вот эти горы
Вековые, залитые
Кровию людскою.
Душа моя несчастная,
Горе мне с тобою!
Выпьем горькую отраву,
Ляжем спать меж льдами,
Спросим господ на небе
Простыми словами:

Долго ль палачи на свете
Будут господами?!
Лети же, моя дума, моя злая мука!
Лети в окружень страданий и бед,
Товарищей страшных... Еще с детских лет
С ними ты играла; тяжкие их руки
Тебя пеленали. Возьми их с собой
И повсюду в небе распусти ордой.
Пускай, чернея и краснея,
Польмя зареет,
Пусть покроет мертвецами
Землю рвота змея.
Без тебя же спрячу сердце,
Его сберегая;
Поищу на свете рая,
Весь свет облегаю.

И над землей я снова рею,
Лечу и вновь прощаюсь с нею.
Больно с матерью расстаться
У безверхой хаты,
Но еще больнее видеть
Слезы да заплаты.

Лечу, лечу, а ветер веет;
Передо мною снег белеет,
В стране болотистой, лесной,
Пустыня и туман густой.
Людей не слышно, нет и следу
Пугающей людской ноги.
Теперь, враги и не враги,
Прощайте! В гости не приеду!
Напивайтесь, веселитесь!
Нет меня меж вами.
Одинокий, безвозвратно
Лягу под снегами.
И покамест вы найдете
В этом мире страны,
Где не льются кровь и слезы,
Отдыхать я стану,
Отдохну я..

• Только слышу—

Перезвон кандалный
Под землею... Погляжу-ка...
Жалкое созданье!
Ты откуда? Что ты делал,
Человек? Что ищешь
Под землею? Нет! Как видно,
Скрыться не смогу я
И на небе... За что ж кара?
За что эти муки?
Кому и что причинил я?
Чьи тяжкие руки
В теле душу заковали,
В сердце жар вложили,
Мои мысли роем
По ветру пустили?
За что, не знаю, а терзаюсь,
И трудно терзаюсь!
И когда я успокоюсь,
Когда отстрадаю?
Не вижу, не знаю.

Зашевелилася пустыня,
Как бы из тесной домовины
На страшный, на последний суд
За правдой мертвые встают.
Не покойники, не трупы —
Тем суда не будет!
То закованные в цепи,
То живые люди
Из нор золото выносят,
Чтобы пасть наполнить
Несытому. Каторжники!
За что? Это знает
Царь небес... И он, быть может,
Не все замечает!
Вон грабитель заклеянный
Звенит кандалами,
Вон разбойник изнуренный,
Скрежещет зубами,
Чуть живого товарища
Добивает в яме.
Среди этих зачерствелых
В кандалы убранный,
Царь всемирный, царь свободы,
Клеймом увенчанный¹³,
И на каторге не просит,
Слез не проливает:
Сердце, что добром согрето,
Век не остывает!

А где ж твои думы, цветы молодые?
Мысли, твои дети, смелые, живые?
Кому ты их, друг мой, кому поручил,
Может быть навеки в сердце заключил?
О, не прячь их, брат мой! Рассей их повсюду!..
Взойдут, разрастутся, выберутся в люди...

И долго мука длиться будет?
Нет, недолго—зимний холод,
Стужа разум будит.
И вновь лечу... Земля чернеет..
И разум дремлет, сердце млеет.
Гляжу я: хаты над путями
И города со ста церквами.
А в городах, как журавли,
Солдаты учатся вдали;
Все они обуты, сыты,
Кандалы на них набиты.
Маршируют... Дальше гляну:
Там в долине, словно в яме,
На трясине город мрест¹⁴,
Над ним тучею темнеет
Туман смрадный... Долетаю —
Тот город без краю —
Или турецкий?
Или немецкий?
А, быть может, город русский?
Церкви да палаты,
Да паны пузаты,
И вовсе ни единой хаты!

Настал вечер.. Огонь... Огнем
Улицы пылали.
Страшно стало. «Ура! Ура!

Ура!» — закричали.
 «Ну-ну, дурни! Пересташьте,
 Чему вы так рады?
 Что горите?» — «Экий хохол!
 Не знает парада.
 У нас парад! Сам¹⁵ изволил
 Выйти на гулянье».
 «Да где ж она, эта птица?»
 А там, в большом здании.
 Толкаюсь я; вдруг землячок,
 Спасибо, попался...
 И пуговицы с гербами.
 «Откуда ж ты взялся?»
 «С Украины!» — «Так что же ты
 И слова не скажешь
 По-здешнему?» — «Да нет, скажу,
 И не плохо даже,
 Да не хочу!» — «Экий чудак!
 Я все входы знаю;
 Я здесь служу; коли хочешь,
 В дворец попытаюсь
 Ввести тебя. Только, знаешь,
 Нас, брат, просветили,—
 Не поскупись полтинкою...»
 «Прочь поди, чернильный
 Лихоимец!..» Вновь невидим
 Стал я тут, и что же?
 Протолкался в те палаты.
 Милостивый боже,
 Вот где рай-то! Свыше меры
 Золотом облиты
 Блюдолизы! Вот и сам здесь —
 Высокий, сердитый,
 Выступает.. И с царицей
 Своею убогой:
 Та царица, что опенок —
 Тонка, длиннонога.
 И, бедняга, беспрестанно
 Трясет головою.
 «Так вот она, та богиня^{16!}
 Ох, беда с тобою!
 А я, глупый, не выдавши
 Тебя, куклу, сразу
 И поверил тупорылым
 Твоим виршемазам.
 Глупый, глупый! А ведь битый!
 Доверял не в меру
 Москалю. Поди прочти ты
 Да бери на веру!

За богами — барство, барство
 В серебре да злате,
 С толстой мордой, с жирным брюхом,
 Словно поросята!
 И потеют, а толпятся,
 Лезут, в тяжкой муке,
 К самому: а вдруг ударят
 Или сунуть кукиш
 Соизволят, хоть не жирный,
 Хоть полкукиша, но только
 Под нос чтоб попало,
 И все кругом выстрелись,

В рот воды набрали,
 И ни звука.. Царь щебечет,
 А чудо-царица,
 Словно цапля в птичьей стае,
 Прыгает, бодрится.
 Как сычи, надулись оба,
 Парою бродили, —
 Я издалека не слышал,
 О чем говорили, —
 Об «отечестве», как видно,
 О новых петлицах,
 О новейших маршировках!..
 А потом царица
 Молча села... Дальше что же?
 Вижу: подступает
 Царь к старшему и по роже
 Смаху заезжает!
 Облизался тот, бедняга,
 Да меньшого в пузо!
 Зазвенело! Этот тоже
 Нижайшего туза
 Промеж плеч, а тот меньшого,
 Младший — молодого,
 А тот — мелочь; ну, а мелочь
 Уже за порогом
 Рассыпалась по улицам...
 Вволю помесили
 Недобитых православных,
 Те заголосили,
 Завизжали... Да как взвизгнут:
 «Любя, наш батюшка, любя!
 Ура!. Ура!. Ура-а-а!»
 Расхохотался я, и ладно;
 И меня прижали,
 И порядком. На рассвете
 Всюду замолчали;
 Только кое-где в проулках
 Бедняги вопили,
 Но и плача о батюшке
 Господа молили.

Здесь поэт описывает Петербург ночью, памятник Петру I. Ему являются видения мивнувшего, слышатся фантастические голоса. Дальше идет описание утра в столице.

Бедный люд зашевелился,
 К труду поспешая,
 И солдаты на распустьях
 Замаршировали.
 Девы сонные спешили
 По сонным бульварам,
 Но не из дому, а к дому!
 Выгнала недаром
 Мать на всю их ночь: трудиться,
 Чтоб на хлеб разжиться.
 А я стою, осунувшись,
 Думаю, гадаю:
 Ой, как трудно хлеб насущный
 Люди добывают!

Вот и братия шмыгнула,
 Что пишет в сенате,

Подписывает и тащит
И с отца, и с братьев.
Землячки, смотрю, меж ними
Кое-где мелькают,
По-московски так и чешут,
Смеются, ругают
Родителей, что младенцев
Трещать не учили
По-немецки, а теперь вот
И киски в чернилах!
Пьявки! Пьявки! Отец, может,
Последней коровой
Заплатил, чтоб научить вас
Московскому слову...
Украина! Украина!
Видишь сынов милых!
Твои цветы молодые
Взросли на чернилах,
Их царскою беленою
В немецких теплицах
Заглушили... Плачь, Украина,
Бездетной вдовицей!

Пойду, разве, поглазею
В царские палаты:
Что там делается? Вижу —
Начальство пузато
Сплошным строем сопит, храпит,
Стоит, надуваясь
Индюками и на двери
Искося взирая.
Двери тут и отворились:
Словно из берлоги,
Медведь вылез, еле-еле
Движет свои ноги.
Весь распухший, рыхлый, синий:
Видно, хмель проклятый
Истомил его. Как крикнул
На самых пузатых —
Все пузатые, сквозь землю
Провалясь, пропали,
Тут он выпучил глазищи,
И все задрожало,
Что осталось. Как безумный,
Младших окликает, —
И те в землю; он на мелочь, —
И те пропадают;
Он к прислужникам, — и челядь,
И челядь пропала,
Он к солдатам, — солдатики —
Только застонало —
Ушли в землю! И на свете
Стало чудо чудом.
Наблюдаю я — что дальше,
Что творить он будет,
Мой медведь! Стоит себе он,
Голову понурил
Горемыка. Куда делась
Медвежья натура!
Как котенок — такой славный!
И я засмеялся.
Он услышал, да как рявкнет,

Я перепугался —
И проснулся...

Вот такое
Приснилось мне диво!
Очень странно! Это снится
Только юродивым
Да пьяницам. Не взыщите,
Что вам, братьям милым,
Не о своем рассказал я,
А то, что приснилось.

1844 г.

* * *

Что же мне так тяжело? Что же мне так
нудно?
Что так сердце плачет, стонет и кричит,
Как больной ребенок? Что ж тебе так
трудно,
Сердце, что ты хочешь? Что в тебе болит?
Пить ли, есть ли просишь, или спать ты
хочешь?

Спи же, мое сердце, навеки засни, —
Ты людьми разбито. Пусть себе они,
Люди, так безумны! Закрой, сердце, очи!

1844 г.

ЕРЕТИК 17

Шафарику 18

Подожгли соседу хату
Свои же соседи,
Хату новую. Погрелись,
Разошлись в беседе
И забыли теплый пепел
По ветру развеять.
Лежит пепел на распути,
А в том пепле тлеет
Искра пламени живого
И не угасает.
Ждет поджога, — словно мститель,
Срока ожидает,
Злого срока. Тлела искра —
Тлела-ожидала
На распути на широком,
Да и гаснуть стала.

Вот так неметчина спалила
Большую хату и семью,
Семью славян раз'единила
И в мир исподтишка пустила
Усобиц лютую змею.

Побежали реки крови,
Пожар загасили,
А сирот и дымный пепел

Немцы поделили.
 И в оковах вырастали
 Славянские дети,
 Позабыв в той злой неволе,
 Что живут на свете.
 А на давнем пепелище
 Искра братства тлела,
 Дотлевала, ожидала
 Людей твердых, смелых.
 И дождалась. Ты увидел
 В пепле том глубоко
 Огонь добрый — смелым сердцем
 И орлиным оком!
 Засветил ты — в жажде знания —
 Светоч правды, воли,
 И великое славянство
 Во тьме и неволе
 Обозрел, вниманья полный...
 Но увидел всюду
 Трупы, трупы. Встал над ними,
 Над высокой грудой,
 На распутьи на всесветном
 Иезекиилем¹⁹.
 И — о чудо! — те воскресли
 И очи раскрыли;
 Братски обняли друг друга
 И проговорили
 Слово тихое с любовью
 Навеки и веки, —
 И стеклись в едином море
 Славянские реки.

Слава светочу науки,
 Чеху-славянину!
 Не позволил ты погаснуть
 В немецкой пучине
 Нашей правде. Твое море,
 Славянское море,
 Будет юным, полноводным,
 Помчит на просторе
 Славный челн с большим ветриллом,
 С надежным кормилом,
 По волнам на вольной воле,
 Дорогою милой.
 Славим мы тебя, Шафарик,
 Веки и веки,
 Слил в единое ты море
 Славянские реки.

Дай приют в своей ты славе
 И моему слову,
 Неискусной лепте — думе
 Про чеха святого,
 Про великого страдальца,
 Про славного Гуса,
 Дай, отец! А сам я тихо
 Богу помолюся,
 Чтобы все славяне стали
 Братьями-друзьями,
 И сынами солнца правды,
 И еретиками,

Как Констанский, что известен
 На всем белом свете.
 Мир они подарят миру
 И славу навеки.

«Камень, его же небрегоша зне-
 ждушши, сей бысть во главу угла,
 от господа бысть сей, и есть
 дивен во очесех наших»²⁰.

«Кругом неправда и неволя,
 Народ замученный молчит,
 А на апостольском престоле
 Монах откормленный сидит²¹.
 Людскою кровью он торгует
 И рай за плату отдает.
 О царь небесный! Суд твой всеу²²,
 И всеу царствие твое!

Разбойники, людоеды
 Правду побороли,
 Осмеяли твою славу
 И силу и волю.
 Словно мать, земля в оковах.
 Плачет над сынами!
 Некому разбить оковы,
 Выйти в бой рядами,
 За евангелие правды,
 За вас, рабы-люди,
 Некому! О боже, боже,
 Иль вовек так будет?
 Нет, настанет час великий
 Для небесной кары,
 Распадутся три короны
 На гордой тиаре²³
 Навсегда. Благослови же
 На мечь и на муки
 Ты мои, великий боже,
 Нетвердые руки!»

Так в келии своей правдивой
 Ян Гус задумал разорвать
 Оковы адовы... и диво,
 Святое дивр показать
 Очам незрящим...

«Поборюсь!

Со мною бог! Да совершится!» —
 И в Вифлеемскую каплицу²⁴
 Пошел молиться добрый Гус.

«Во имя господа Христа,
 За нас распятого на древе,
 И всех апостолов святых,
 Петра и Павла особливо,
 Мы разрешаем все грехи
 Вот эту святою буллою²⁵
 Рабыне божьей...»

Той блуднице,
 Той, которую водили
 По улицам Праги,

Той, которая шаталась,
 Выпив спозаранок,
 В монастырских переходах
 И по кельям, пьяной?
 Той, что денег накопила
 Да буллу купила
 И святою стала? Боже,
 Великая сила!

Великая слава! Взгляни на людей,
 Спаси их от кары для светлого рая.
 За что они гибнут, за что ты караешь
 Своих и покорных и добрых детей?
 За что закрыла ты им очи,
 За что их думы оковал
 Цепями мрак недоброй ночи?
 Прозрите, люди, — день настал,
 Расправьте руки — свет вас будит,
 Проснитесь, чеши, будьте люди,
 А не посмешище попам!
 Злодеи, палачи в тиарах
 Все потопили, все сожгли,
 Как там, в Московии, татары,
 И нам, незрячим, принесли
 Свой символ веры. Кровь, пожары,
 Войну и пламень злобы ярый,
 И адских мук бескрайный ряд...
 Сам Рим грехом теперь богат.
 Так вот их догматы²⁶ и слава!
 Какая слава! В свой черед
 Святым положено конклавом²⁷ —
 Когда без буллы кто умрет, —
 Тот сгинет в пекле. Кто ж заплатит
 За буллу вдвое, — режь хоть брата,
 Всех, кроме папы и попов,
 И в рай иди — без дальних слов!
 Нагреть друг друга воры рады
 И в самой церкви! Гады! Гады!
 Что ж, вы насытились иль нет
 Людскою кровью? Нет, не мне,
 Господь, простому человеку,
 Судить великие дела,
 Судить тебя! Такого зла
 Ты без вины не слал от века!

К тебе взываю я. Помилуй,
 Спаси нас всех, святая сила,
 Хулящего сотри с земли
 И язвы мира исцели.
 Не дай глумиться им, лукавым,
 Над вечною твоею славой,
 Над нами, бедными людьми!»

И плакал Гус — перед налоем
 Скорбел и плакал — а народ
 Молчал, дивясь: что с ним такое,
 Кому он дерзкий вызов шлет?

«Смотрите, люди! Вот та булла,
 Что я читал». Он показал
 Ее толпе. Толпа вздохнула —

Ян Гус посланье разорвал.
 Из вифлеемской же каплицы
 До самой мировой столицы
 Со смехом эхо понеслось.
 Бегут монахи. Словно кара,
 В конклаве эхо отдалось —
 Поникла папская тиара.

Зашипели, как гадюки,
 Попы в Ватикане²⁸,
 Авиньон²⁹ шептаться начал
 С римскими попами.
 Шепчутся и антипапы³⁰,
 И стены трясутся
 От их речи. Кардиналы,
 Как гадюки, вьются
 Вкруг тиары той, и тайно,
 Как коты, грызутся
 Из-за мыши. Как не грызться!
 Столько в ней и сала,
 И костей. А что за мясо!
 Стена задрожала,
 Как подумали, что в Праге
 Уж гогочут гуси
 И летят с орлами биться...
 Конклав, перетрусая,
 Созвал свой совет. Решили
 Встать для обороны
 Против Гуса и в Констанце
 Слет собрать вороний
 Да стеречь, как только можно —
 И зорче и доже,
 Чтоб не вылетела птаха
 В славянское поле.

Вороньем поля покрыло —
 Попы повалили
 В путь к Констанце. Степь, дороги
 Саранчой покрыли
 Бароны, и князья, и дюки,
 Псары, герольды³¹, шинкари
 И трубадуры-кобзари,
 И войско следом, как гадюки.
 За герцогиней — немцев стая:
 Кто с соколами на руках,
 Кто пеш, кто сидя на ослах —
 Спешат, дорогу заполняя,
 Змеиной злобою дыша.

О чех мой! Где твоя душа?
 Смотри, что силы повалило —
 Не сарацина³² ль воевать,
 Не на великого ль Аттилу³³?

А в Праге глухо уж ворчат
 И кесаря, и Вячеслава³⁴,
 И тот собор тысячеглавый
 Ругают громко. Не хотят
 Пускать сейчас в Констанцу Гуса...

«Жив бог, жива душа моя,
 Нет, смерти, братья, не боюсь я, —
 Я докажу им. Пусть змея

Шипит, я вырву с корнем жало».
 Вся Прага Гуса провожала,
 Отца родного...

Зазвонил в церквях Констанцы
 Колокол с рассвета,
 Собрались все кардиналы,
 В пурпур разодеты.
 Словно стадо за оградой —
 Уж не счесть прелатов ³⁵ —
 Здесь три папы, здесь баронство,
 Всякий люд богатый.
 Собрались, как Иуды,
 На суд нечестивый —
 Осудить Христа. Брань, крики
 Злобны и ретивы,
 Словно то цыганский табор
 Иль евреи в школе.
 Вдруг — все точно онемели.

Будто кедр в поле
 У Ливана ³⁶, — в цепь закован
 Гус стал перед ними,
 И обвел их, точно сокол,
 Очами своими.
 Все смутились, побледнели,
 Молча озирали
 Мученика. — «Спорить с вами
 Вы меня позвали —
 Иль смотреть на эти цепи?»
 «Молчи, дерзновенный!» —
 Зашипели, как гадюки,
 Взвыли, как гиены.
 «Еретик богопротивный!
 Расколы ты сеешь!
 Не внимать святейшей воле
 Ты, единый, смеешь!
 Непокорен ты — отвергнут
 Богом ты, проклятый
 Еретик богопротивный!» —
 Ревели прелаты. —
 «Сеешь распри ты — и богом
 И людьми проклятый!»
 Гордо Гус взглянул на папу,
 Вышел из палаты.
 «Победили! победили!»
 Все осатанели.
 «Аутодафе ³⁷! Аутодафе!» —
 Разом заревели.

И до рассвета пировали
 Монахи, графы за столом,
 Пьянея, Гуса проклинали,
 Покуда с утренним лучом
 Звон не ударил. Все молиться
 Идут за Гуса. Из-за гор
 Бросает солнце яркий взор.
 И солнце посмотреть стремится,
 Что с Гусом сделает собор.

Зазвонили колокольни,
 На Голгофу ³⁸ Гуса

В кандалах ведут тяжелых.
 Он не содрогнулся
 Пред костром; творя молитву,
 Стал в огонь он смело.

«Боже, отче милосердный,
 Что, скажи, я сделал
 Этим людям — твоим людям?
 За что меня судят?
 За что меня распинают?
 О добрые люди!
 Нет вины на вас, молитесь.
 С вами то же будет!
 К вам пришли в овечьей шкуре
 Жестокие звери.
 Подошли и когти точат.
 Дома иль в пещере —
 Вам не скрыться. Разольется
 Багряное море
 Крови, крови деток ваших.
 О горе! О горе!
 Вот они — в парчевых ризах.
 Взгляд их все суровой...»
 «Зажигай костер!» — «Им надо
 Крови, вашей крови,
 Больше крови!» — В черном дыме
 Праведника скрыло.
 «Помолитесь! Помолитесь!
 Господи, помилуй!
 Что творят, не знают сами!»
 Не слышать ни слова.
 Будто псы, монахи встали
 Вкруг огня большого.
 Все боятся, чтоб не вылез
 Змеем он из жара,
 Не повис бы на короне —
 Или на тиаре.

Догорел костер, а ветер
 И золу развеял,
 Увидали на тиаре
 Пламенного змея
 Люди добрые. Монахи
 «Те деум» ³⁹ запели
 И ушли — и за трапезой ⁴⁰
 День и ночь сидели
 Так, что вспухли все. А чехи
 Малою семьею
 Собрались к костру и взяли
 Угольков с землею
 В Прагу. Так Ивана Гуса
 Попы осудили
 И сожгли — убили. Только
 Правды не убили.
 Не думали, что взовьется
 Орел из пожара
 Вместо гуся ⁴¹ и расклюет
 Папскую тиару.
 Где понять им! Разлетелись
 Черные вороны,
 Завершив свой пир кровавый.
 Попы и бароны
 По домам вернулись, Гуса

И не вспоминают,
Лишь пируют и «Te deum»
Хором распевают.
Все свершили — но — смотрите:
Там, над головою
Старый Жижка из Табора ⁴²
Машет булавою.

1845 г.

КАВКАЗ

Искреннему моему Якову де Бальмену ⁴³

Кто даст главе моей воду и очесем
моим источник слез, и плачущая
день и ночь о побивенных...

Иеремии, гл. 9, стих 144

За горами горы, тучами покрыты,
Засеяны горем, кровию облиты.

Спокон века Прометея ⁴⁵

Там орел карает,
Что ни день, долбит он ребра,

Сердце разбивает,

Разбивает, да не выпьет

Крови животворной,

Вновь и вновь смеется сердце

И живет упорно.

И душа не гибнет наша,

Не слабеет воля,

Ненасытный не распашет

На дне моря поля.

Не скует души бессмертной,

Не осилит слова,

Не охает славы бога,

Вечного, живого.

Не нам с тобой затеять распря,
Не нам дела твои судить,
Нам только плакать, плакать, плакать

И хлеб насущный замесить

Кровавым потом и слезами.

Кат издевается над нами,

А правде — спать и пьяной быть.

Так когда она прснется?

И когда ты ляжешь

Опочить, усталый боже,

Жить нам дашь когда же?

Верим мы творящей силе

Господа-владыки.

Встанет правда, встанет воля,

И тебя, великий,

Будут славить все народы

Вовеки и веки.

А пока — струятся реки,

Кровавые реки!..

За горами горы, тучами повиты,
Засеяны горем, кровию облиты.

Там божьей милостию мы
Отняли у голодной голи
Все, что осталось — вплоть до воли —
И вновь травим... Легло костями
Людей муштрованных немало.
А слез! А крови! Напоить
Всех императоров бы стало.
Князей великих утопить
В слезах вдовиц! А слез девичьих,
Ночных и тайных слез привычных,
А материнских горьких слез,
А слез отцовских, слез кровавых!
Не реки — море разлилось!
Пылающее море... Слава
Борзым, и гончим, и псарям,
И нашим батюшкам-царям —
Слава!

Слава синим горным кручам,
Ледниками скрытым!

Слава витязям великим,

Богом не забытым!

Вы боритесь — поборете!

Бог вам помогает,

С вами правда, с вами слава,

И воля святая!

Чурек и сакля ⁴⁶, — все твое,

Не выпрошенное мольбами,

За хлеб, за жалкое жилье

Не закуют тебя цепями.

Послушай! Грамотей мы,

Читаем господа глаголы,

И от казармы и тюрьмы

Вплоть до высокого престола

Мы ходим в золоте — и голы.

К нам в обученье! Мы сочтем,

Научим вас, хлеб-соль почем,

Мы христиане: храмы, школы,

Все блага мира есть у нас,

Глаза нам только сакля колет:

Зачем она стоит у вас

Не нами данная... и то,

Что солнце светит вам бесплатно,

Не нами сделано... зато

Чурек не кинем вам обратно,

Как псам... и хватит. Мы не турки,

Мы — христиане. В Петербурге

Мы малым сыты... А зато,

Когда б вы с нами подружились,

То многому бы научились, —

У нас же и простор на то,

Одна сибирская равнина.

А тюрем сколько! А солдат!

От молдаванина до финна —

На всех языках все молчат:

Все благоденствуют. У нас

Святую библию читает

Святой чернец и поучает,

Что царь свиней когда-то пас,

С женой приятеля спознался,

Убил его, но лишь скончался, —

И в рай попал. Вот как у нас

Пускают в рай! Вы не учены,
Святым крестом не просвещены,
Но мы научим вас!.. Кради,

Рви, забирай —

И прямо в рай,

Да и родню всю приводи!

Чего мы только не умеем, —

Считаем звезды, гречку сеем,

Браним французов, продаем

Или за карточным столом

Проигрываем крепостных,

Людей крещеных... но простых.

Мы не плантаторы, не станем

Мы краденое покупать,

Как те купцы! Мы по закону!

По апостольским заветам

Любите вы брата,

Суесловы, лицемеры,

Господом прокляты!

Возлюбили вы не душу, —

Шкуре братней рады.

И дерете по закону:

Дочке — на наряды,

На житье — сынкам побочным,

Жене — на браслетки,

А себе — про то не знают

Ни жена, ни детки.

За кого же был ты распят,

Сын единый божий,

В искупленье нам? За слово

Истины? Иль, может,

Чтоб глумленье не кончалось?

Так оно и сталося!

Часовни, храмы, и иконы.

И жар свечей, и мирры⁴⁷ дым,

И перед образом твоим

Неутомимые поклоны —

За кражу, за войну, за кровь, —

Ту братскую, что льют ручьями, —

Вот он, даренный палачами,

С пожара краденный покров!

Просветились! И решаем

Свет открыть и этим,

Показать им солнце правды —

Сим незрячим детям.

Все покажем! Только дайте

В руки нам, и тут же —

Как прочнее строить тюрьмы,

Плесть нагайки туже,

Кандалы ковать, носить их

В сибирскую стужу, —

Все поймете, лишь отдайте

Родимые взгорья,

Остальное мы забрали, —

И поле, и море.

И тебя загнали, друг и брат единый,
Яков мой хороший! Не за Украину, —
За ее тирана довелось пролить
Столько честной крови! Довелось испытать

Из царевой чаши северной отравы,
Друг мой незабвенный, истинный и правый!
Живую душой Украину любви,
Снова с казаками мчись над берегами,
Старые курганы озираи в степи,
Закрепи слезами дружбу с казаками,
Жди меня из ссылки, время торопи!

А покуда — мои думы,

Лютые невзгоды

Буду сеять я. Пусть крепнут

В слоре с непогодой.

Украинский тихий ветер

Принесет с росой

К дорогому другу думы

Братскою слезою.

И когда на них ты взглянешь,

И читать их станешь, —

Вновь курганы, степи, горы

И меня помянешь.

1845 г.

ХОЛОДНЫЙ ЯР⁴⁸

Всякому своя досада —

И мне нет отрады:

У меня хоть занятая,

А все же досада.

Кажется, к чему бы помнить,

Что давно минуло,

То будить, о чем забыто?

Ладно, что заснуло!..

Хоть бы этот Яр! Ведь нынче

Ни одной тропинки

Нет к нему, придешь — сдается,

Что никто былинки

Здесь не тронул; затерялся

След дороги старой

От монастыря Матрены⁴⁹

До страшного Яра.

Там когда-то гайдамаки

Табором стояли,

Гоговили самопалы,

Копья заостряли.

В этот Яр тогда сходились,

Как с креста снятые,

Отец с сыном да брат с братом;

Вставали, родные,

На врагов своих лукавых,

На ляхов жестоких...

Так куда же ты девался,

К Яру шлях широкий?

Сам зарос дремучим лесом?

Или засадили

Каты новые? Чтоб к Яру

Люди не ходили,

Не гадали бы, что делать

С добрыми панами,

С людоедами лихими,

Новыми врагами?

Да не спрячете! Над Яром

Железняк ватает,
 Он глядит, глядит на Умань,
 Гонту поджидает⁵⁰.
 Вы не прячьте, не топчите
 Святого закона,
 Не зовите преподобным
 Лютого Нерона⁵¹.
 Не хвалитесь царевою
 Святою войною,
 Вы не знаете и сами
 Царьва разбой,
 А кричите, что несете
 И душу, и шкуру
 «За отечество!». Ей-богу,
 Баранья натура!
 Дурень шею подставляет,
 Сам за что не зная,
 Да еще ругает Гонту...
 Дрянь-то, дрянь какая!
 «Гайдамаки — не воины,
 Разбойники, воры,
 Пятно в нашей истории...»⁵².
 Врете, живодеры!
 За святую правду-волю
 Разбойник не встанет
 За народ, что вами скован,
 Он грозой не грянет!
 Не зарежет он — разбойник —
 Изменника-сына⁵³,
 Не отдаст живое сердце
 Он за Украину!
 Вы, разбойники и воры,
 Жадная орава!
 По какому вы людскому,
 Божескому праву
 И землей, от века общей,
 И людьми живыми
 Торгуете? Берегитесь,
 Встретитесь вы с ними!
 Будет день... Ребяток малых,
 Да темного брата,
 Да чужих сбивайте с толку —
 Но не бога, каты!
 Он настанет, день веселый,
 Все настигнет кара,
 Пламя новое повет
 С Холодного Яра!

1845 г.

* * *

Как умру — похороните
 Вы меня в могиле
 На кургане, над простором
 Украины милой,
 Чтоб поля необозримы,
 Чтобы Днепр и кручи
 Было видно, было слышно,
 Как ревет ревуций.

Как помчит он с Украины
 Прямо в сине-море
 Кровь всех ворогов, — тогда я
 И поля и горы —

Все покину, в небо ринусь
 К божьему порогу
 Помолиться. А до тех пор
 Я не знаю бога.

Схоронив меня, вставайте,
 Цепи разорвите,
 И злодейской вражьей кровью
 Волю окропите.
 И меня в семье великой,
 В семье вольной, новой,
 Не забудьте — помяните
 Добрым, тихим словом.

1845 г.

* * *

Мне безразлично, жить я буду
 На Украине, или нет,
 Помолнит кто или забудет
 Меня на дальней стороне, —
 Все это безразлично мне.

В неволе вырос меж чужими,
 И, не оплаканный своими,
 В неволе, плачущий, умру,
 И все с собою заберу, —
 Бесследно, навсегда покину
 Просторы славной Украины,
 Своей и не своей земли.
 И пусть отец не скажет сыну,
 Припомнив обо мне: «Молись
 О нем: ведь он за Украину
 Замучен от нее вдали».

Мне безразлично это — будет
 Тот сын молиться или нет...
 Но то не безразлично мне,
 Что Украину злые люди
 Смирят лукавством... И в огне
 Ее, ограбивши, разбудят...
 Ох, как не безразлично мне!

1847 г.

ТРИ ДОРОГИ

Три широкие дороги
 Пролегли куда-то...
 С Украины на чужбину
 Шли-ушли три брата.
 Мать покинули родную;
 Тот жену покинул,
 Тот сестру, а самый младший —
 Милую дивчину.
 Посадила мать-старуха
 Три ясеня в поле,
 А невестка — стройный тополь
 На степном раздолье.
 Три явора посадила
 Сестра при долине,
 А дивчина молодая —
 Красную калину.
 Ой, засохла та калина,

Яворы пропали.
 Не поднялся стройный тополь,
 Ясени завяли.
 Не идут назад три брата, —
 Плачет мать родная,
 Плачет жинка с малышами,
 Долю проклиная.
 А сестра искать уходит
 Братьев на чужбину.
 А дивчину молодую
 Кладут в домовину.
 Не идут назад три брата,
 По свету блуждают.
 Три широкие дороги
 Травой зарастают.

1847 г.

◆◆◆

Н. КОСТОМАНОВУ

Весною солнышко купалось
 В весенних облачках сквозных;
 Тюрьма уже гостей своих
 Радушно чаем угощала
 И часовых тюрьма сменяла,
 Синемундирных часовых.
 И я к засовам каземата,
 К решетке на моем окне
 Привык уже немного. Мне
 Не жаль пролившихся когда-то,
 В даль унесенных без возврата
 Моих кровавых тяжких слез,
 А их не мало пролилось
 В бесплодном поле! Хоть бы мята, —
 Ведь ничего же не взошло!
 И вспомнил я свое село...
 Кого я там еще покинул?
 Отец и мать в могиле ныне...
 И скорбью сердце запеклось!
 Так кто же вспомнит, пожалеет?
 Твоя вот мать... Я холодею:
 Как будто снятая с креста
 Она идет земли чернее...
 Тебя, господь, благодарю,
 За то готов тебе молиться,
 Что я ни с кем не разделю
 Моих оков, моей темницы!

1847 г.

* * *

Вишневый садик возле хаты,
 Хрущи над вишнями снуют,
 С плугами пахари идут,
 Идут домой, поют дивчата,
 А матери их дома ждут.

Семья собралась возле хаты,
 Звезда вечерняя встает,
 И дочка ужин подает,
 А маць журила б, да проклятый
 Ей соловейко не дает.

Мать уложила возле хаты
 Ребяток маленьких своих,
 Сама заснула возле них.
 Затихло все: одни дивчата
 Да соловейко не затих.

1847 г.

* * *

Над полями идет,
 Не покосы кладет,
 Не покосы кладет — горы.
 Стонет суша, стонет море,
 Стонет и ревет.

Косаря средь ночи
 Повстречали сычи,
 А косарь не отдыхает;
 Никого не замечает —
 Проси, не проси.

Не моли, не проси,
 Он не точит косы;
 То ли пригород, то ль город, —
 Бреет он без разговора
 Все, что на пути:

Мужика, шинкаря,
 Сироту-кобзаря;
 Подпевая, старый косит,
 Горами кладет покосы,
 Найдет и царя.

И меня в мой черед
 На чужбине найдет,
 За решеткою задавит,
 Креста никто не поставит —
 И память пройдет.

1847 г.

N. N.

Солнце заходит, горы чернеют,
 Птицы стихают, поле немеет;
 Отдых приходит — радостны лица.
 А я лишь гляну... сердце стремится
 Вновь на Украину, к темной кринице.
 Думаю думу, вдаль улетаю,
 И словно сердцем я отдыхаю.
 Горы чернеют, и лес под ними,
 Звезда восходит на небе синем.
 Звезда святая! И слезы каплют.
 Уже взошла ль ты и на Украине?
 Карие очи тебя нашли ли
 На небе синем? Иль позабыла?
 Если забыли, — лучше бы спали,
 Про мою долю и не слыхали.

1847 г.

N. N.

Уж мне двенадцать миновало,
 Ягняток пас я за селом...
 Тс ль солнышко так засияло,

Иль что-то на меня напало,
Но как-то сладко-сладко стало,
Как бы на небе..
Полудничать уже сзывают,
А я в бурьяне, в тишине,
Молюся богу и не знаю:
Ребенку, отчего же мне
Тогда так радостно молилось
И так от сердца отлегло?
Господне небо и село,
Ягнята будто веселились,
И солнце грело, а не жгло.
Да недолго солнце грело,
Не пришлось молиться:
Припекло, побагровело —
Рай как загорится!
Я очнулся, озираюсь:
Село почернело,
Божье небо голубое
И то побледнело.
Посмотрел я на ягнят —
Не мои ягнята,
Оглянулся я на хаты —
Нет у меня хаты.
Ничего господь мне не дал!
Слезы льются градом,
Слезы горькие! Дивчина
При дороге рядом
Коноплю неподалеку
Дергала, сбирала.
Услыхала, что я плачу,
Пришла, утешала,
Утирала мои слезы
И поцеловала.
Как будто солнце засияло,
Как будто все на свете стало
Моим — и луг, и лес, и сад..
И мы, веселые, погнались
На водопой чужих ягнят.

Пустяк!.. А вспомню, замечтаю,
И сердце начинает ныть:
Зачем мне не дал бог дожить
Короткой жизни в этом рае!
Я умер бы, трудясь над нивой,
Не знал бы ничего, не стал
Юродивым и несчастливым,
Творца б, людей не проклинал!
1847 г.

◆◆◆
ЧЕРНЕЦ

В Киеве да на Подоле ⁵⁵
Было это. И уж боле
Не вернется прожитое,
Не вернется дорогое,
Не вернется. Только, братья,
Все ж чего-то буду ждать я,
Все же буду вспоминать я,
Горю сердце обрекая.

В Киеве да на Подоле
Наше братство, наша воля,

Без холопа и без пана,
В пестро вышитых жупанах
Дружно, весело гуляет,
Бархатом дорогу стелет,
А парчою застилает,
Никому не уступает!

В Киеве да на Подоле
Казак гуляют
И вино, как будто воду,
Ведром разливают.
Погреба, шинки, харчевни
С винами, медами
Откупили запорожцы,
Пьют вино ковшами.
Музыка ревет, играет,
Людей забавляет,
А из Братства ⁵⁶ все бурсацтво
Смотрит, голодая.
Нету голой школе воли,—
Что бы только было!
Но под музыку кого там
Толпа обступила?
В штанах из красного атласа,
Мотнею улицу метя,
Идет казак. Ох, годы, годы
Что вы творите! Не шутя
Ударил сразу дед в подборы,
И пыль пошла столбом. Вот так!
И пляшет и поет казак:

«По дороге, рак, рак,
Пускай будет так, так!
Только б наши молодичицы
Посеяли мак, мак!
Бей лихо каблуками,
Бей лихо здесь и там,—
Достанется передкам!
Каблуки в тяжелом стуке,
Понабрались горькой муки!
Бей лихо каблуками,
Бей лихо здесь и там,
Достанется передкам!»

До Межигорского спаса ⁵⁷
Шел вприсядку сивый,
А за ним друзья шли следом
И весь святой Киев.
Доплясал до врат святых он,
Крикнул: «Пугу! Пугу!» ⁵⁸
Вы встречайте-ка, монахи,
Товарища с Луга ⁵⁹!»
Монастырские ворота
Казака впустили,
И закрыли их монахи,
Вслед за ним закрыли
Уж навеки. Кто ж казак тот,
Сединой покрытый?
Семен Палей ⁶⁰, запорожец,
Горем недобитый.

Ой высоко, солнце всходит,
Низенько заходит.

Все по келье в длинной рясе
 Чернец старый бродит.
 Навещает он Вышгород ⁶¹,
 Киев озирает,
 На высоком сидит склоне,
 Слезы проливает.
 Идет пить на Звоиковую ⁶²
 Воду ключевую,
 Жизнь чернец припоминает —
 Горькую, былую.
 И домой приходит в келью,
 Где стены немые,
 Вспоминает свои годы,
 Годы молодые;
 Взяв священное писанье,
 Вслух его читает,
 А душой седой отшельник
 Далеко витает.

Смолкают божии слова,
 И в келье, как когда-то в Сечи,
 Казачья слава вновь жива,
 И старый гетман ⁶³, как сова,
 Опять ему глядится в очи.
 Вновь танцы, музыка, Бердичев ⁶⁴...
 Оковы лягают... Москва...
 Леса. Снега. И Енисей...
 И покатались из очей
 На рясу слезы. Бей поклоны,
 Плошь старческую усмиряй,
 Святую библию читай!
 Читай, прислушивайся к звону,
 А сердцу и не потакай:
 Оно тебя в Сибирь водило,
 Оно тебя в обман вводило!
 Оставь его, забудь свой край,
 Свою Борзну и Фастовщину ⁶⁵:
 Погибнут все, и сам ты сгинешь.
 Кто вспомнит, как ты здесь страдал?
 И старец тяжко зарыдал,
 Святую книгу отодвинув.
 По келье долго он ходил,
 Потом главой на стол склонился.
 «Зачем же я на свет родился
 И Украину так любил?»

Уж слышен колокол старинный,—
 Звонят к заутрене. Он встал,
 Надел клобук ⁶⁶, взял посох длинный,
 Перекрестился, четки взял ⁶⁷
 И за родную Украину
 Молиться в храм заковылял.

1847—1858 г.

ПЛАТОК

Иль была то божья воля,
 Иль ее девичья доля,
 Что в чужой семье вскормилась,
 С сиротою полюбилась?
 Сиротина, словно голубь,
 Бесталанной смотрит в очи

И воркует у соседки
 С ней с утра до поздней ночи.
 Говорили-ворковали,
 Госпожинок ⁶⁸ поджидали.
 Дождались... В Чигирине
 Всю Украину созвонили,
 Чтоб коней седлали хлопцы,
 Сабли острые точили,
 На веселый пир сбились,
 На казацкое веселье,
 На кровавое похмелье.

В воскресенье, раним-рано,
 Сурмы-трубы заиграли —
 С красной зорькой компанейцы ⁶⁹
 В путь-дорогу выступали.
 Провожала мать-вдовица
 Своего родного сына,
 И сестра родного брата,
 Сиротину сиротина
 Провожала: вороному
 Налила воды студеной
 И сняла с стены винтовку
 Вместе с саблей золоченой.
 Провожала за три поля,
 Попрощалась при долине
 И дала дружку платочек,
 Чтоб попомнил на чужбине.

Ох, платок, ты, мой платочек,
 Шитый шелком по узору!
 На седле тебе казачьем
 Красоваться только впору!
 А она-то, сиротина,
 Грусть извела, тревогу:
 Что ни свет-заря выходит
 Каждым утром на дорогу,
 А в воскресный день с кургана
 Смотрит... Очи помутились...

Через два года на третий
 Компанейцы воротились.
 Рать гремит, гремит другая.
 А за третьей ратью тихо
 (Не гляди туда, голубка)
 Не добро везут, а лихо:
 Гроб везут, китайкой ⁷⁰ крытый,
 И со двух сторон у гроба
 Сам полковник с старшиною,
 В черных свитках идут оба,
 Сам полковник компанейский,
 Характерник ⁷¹ с Сечи, значит;
 Следом — паны есаулы...
 Кто идет за гробом — плачет..
 И несут они доспехи:
 Броню крепкую, литую,
 Всю в рубцах, в рассечках вражьих,
 Да и саблю золотую,
 А за саблей три винтовки,
 Да еще три самопала.
 И по всем по ним казачья
 Кровь горячая бежала.
 Ох, ведут и вороного!..

Поразбиты все копыта,
И платком шелковым, шитым
У него седло покрыто.
1847—1858 г.

А. О. КОЗАЧКОВСКОМУ ⁷²

Давно все это было. В школе
Учитель был у нас, дьячок;
Стяну, бывало, пяточок
Я у него (едва не голым
Ходил — нищ до того). Куплю
Листок бумаги и сошью
Себе я книжечку. Крестами,
Орнаментами и цветами
Кругом листочки обведу;
Переписав Сквороду ⁷³
Или «Три царие со дары» ⁷⁴,
Один в бурьяне, в тишине,
Чтоб не видали, не слышали,
Пою и плачу от печали.

И снова довелось мне
От стражей вдохновенье прятать,
Исписывая, как когда-то,
Листики, и плакать в тишине.
Так тяжело плакать! Кто узнает,
За что меня господь карает?
Учась, я мучился и рос,
Всю жизнь учиться довелось...
И за ученьем смерть поймает.
А верно из-за пяточка,
Что утащил я у дьячка,
Теперь господь меня карает...

Вот послушай, мой родимый,
Мой казак, орел мой!
Как страдаю я в неволе,
Как не вижу свега!
Слушай, брат, и научай же
Своих малых деток:
Научай, чтоб не учились
С детства стихотворству.
Если ж с кем бы приключилось,—
Тогда не поговаривай:
Пусть в укромном уголке
И плачет, и пишет,
Так, чтоб ты и не увидел,
А бог не услышал.
Чтоб ему не выпал случай
Знаться с пыткой жгучей,—
Не то, как меня, в неволе
И его замучат!

Меж скал, что вор твой, крадусь тихонько
Я в день воскресный прямо в поле.
Кустами, прячась, пройду к Уралу ⁷⁵,
На ширь степную, как на волю.
И больное мое сердце
Снова встрепетается,
Словно рыбка над водою,
Тихо усмехнется.
Понесется голубкою
Над чужбиной — полем,

Я как будто оживаю.
На поле, на воле...
И на гору высокую
Всхожу, озираясь:
Вспоминаю Украину —
Вспомнить не решаюсь.
И там степи, и тут степи,
Да тут не такне:
Рыжи докрасна — так рыжи.
А там — голубые;
Зеленые, расцветены
Нивами-полями,
Высокими могилами,
Темными лесами.

Лишь тальник тут, пески, репей...
Хоть насмех бы — одна могила
О стародавнем говорила,
А то — как не было людей!
С начала мира и доньше
От взоров пряталась пустыня,
Мы все-таки нашли к ней путь
И крепости повозводили, —
Так, значит, будут и могилы —
Всему здесь быть когда-нибудь!
О, край мой милый! Моя судьбина!
Когда я вырвусь из той пустыни?
Или — бог милуй, —
Тут и загину?
И почернеет багряное поле...
«Айда в казарму! Айда в неволю!» —
Как будто крикнет кто надо мною;
Я вдруг очнусь. . и за горою,
Как прежде, прячась, бреду к Уралу —
Меж скал, что вор твой, крадусь тихонько.

Вот как я, друже, отмечаю
Мой день воскресный в этом крае!

А понедельник чем отрадней?
Приходят ночи в дом наш смрадный,
За ними думы.. Разобьют
Надежду, сердце вместе с нею...
То, что сказать еще не смею,
И все прогонят, разнесут,
Ночь остановят... И годами,
Веками станет длиться час,
И я кровавыми слезами
Подушку оболью не раз.

Переберу все дни и годы:
Кого, когда и где любил?
Кому добро я сотворил?
Нет, сердце никому не отдал —
Всю жизнь, как в дебрях, я бродил,
А чуял волю, чуял силу...
Да силу горе износило,
В гостях свобода напилась
И к Николаю угодила ⁷⁶,
И напиваться зареклась.

Не поможет, милый боже,
Говорят же, к слову:

Как ни кайся, согрешивши,—
 Не вернется снова.
 Молю я бога, чтоб светало:
 Как воли, света, солнца жду.
 Сверчок смолкает; зорю бьют;
 Молю я бога, чтоб смеркалось —
 Ведь на позорище ведут:
 Пусть муштру старый дурень знает,
 Пускай о воле не мечтает
 И помнит: дурня всюду бьют.

Уходят молодости годы,
 Уходит жизнь, и вновь заводит
 Надежда старые дела,
 На лихо вновь меня наводит,
 Чтоб сердце жалость извела.
 А вдруг добро увижу вскоре?
 А вдруг я переплачу горе,
 Воды днепровской зачерпну
 И на тебя, мой друг, взгляну?
 А, может, снова, как когда-то,
 Наговоримся в тихой хате
 С тобой? Боюсь поверить сну,
 У самого себя узнаю я,

Когда это все сбудется:
 Или с неба тайно,
 На тебя, мой милый, гляну,
 Гляну на Украину?
 А порой и так бывает,
 Что слезы не станет.
 И молил бы я о смерти, —
 Так ты и Украина,
 И мой Днепр глубоководный,
 И надежда, верьте,
 Мне просить не позволяют
 У господи смерти.

1847—1858 г.

П. С. ⁷⁷

Злой мне не страшен: возле злого
 И слага сторожем стоит;
 Боюсь, я доброго такого,
 Что славу ту перехитрит.

И вспомнить тошно мне бывает
 Готический ⁷⁸ с часами дом,
 Дом над ободраным селом,
 И шапочку мужик снимает,
 Лишь флаг завидит: значит, пан
 По саду с челядью гуляет.
 Гуляй, откормленный кабан!
 Гуляй, бездельник! Добрый пан,
 Потомок дурня с булавою,
 Он чистокровный патриот
 И он христианин душою:
 Он в Киев ездит каждый год,
 Он в свитке ходит меж панями,
 В шинке сидит он с мужиками
 И корчит вольнодумца здесь.
 Хоть напечатай,— вот он весь!
 А там, в селе своем, дивчаток
 Перебирает он, а там

Своих же байстрюков с десятков
 В году крестить он носит в храм,
 И только то. Житье паскуде!
 Зачем не так его зовут?
 Зачем его не заплюют?
 Зачем не топчут? Люди, люди!
 Вам колбасы гнилой подать —
 Так вы свою родную мать
 Уступите... Что мне до злого,
 До пьяного Петра хромого,—
 Безмерно страшно за людей,
 Детей, юродивых детей.

1848 г.

* * *

И сонные волны, и мутное небо,
 На берегу, в далекой мгле,
 Камыш, как бы навеселе,
 Без ветра гнется. Боже! Где бы
 Узнать — придется ль долго мне
 В моей незапертой тюрьме,
 Над никудышным этим морем
 Тоской томиться, мыкать горе?
 Молчит засохшая трава,
 Лишь гнется, будто бы жива,
 Не хочет правду мне открыть...
 А больше некого спросить.

1848 г.

* * *

Не для людей и не для славы
 Стихи узорны и кудрявы
 Я сочиняю,— для себя
 Пишу их, братья моя!

Я пишу стихи в неволе,
 Тоску забывая:
 Будто с дальней Украины
 Слова прилетают
 И ложатся на бумагу,
 Плачут и смеются,
 Будто дети, и радуют
 Забытую душу,
 Убогую. Хорошо мне,
 Хорошо мне с ними,
 Как огцу в богатой хате
 С детками своими.
 И доволен я и весел,
 Бога умоляю,—
 Не забыл бы моих деток
 В чужедальнем крас.
 Пускай летят домой к себе
 Легонькие дети
 И расскажут, как им тяжело
 Было жить на свете!..
 И в семье веселой тихо
 Детей приласкают,
 И седую головою
 Отец покачает.

Мать промолвит: «Лучше б детям
Не родиться было!»
А дивчина подумает:
«Я их полюбила!»

1842—1858 г.

* * *

Если б пару мне сапожек,
Я бы танцевала тоже...
Да сапожек нет.
Музыканты играют,
Только горя прибавляют,
И не мил мне свет!
Я пойду босая в поле,
Поищу иную долю —
Долюшка моя!
Ты не будь ко мне суровой:
Родилась я чернобровой,
Бесталанная!
Девушки в сапожках красных
Все на танцах. Я ж несчастна,—
Я одна брожу.
Я тоскую, мне обидно,—
Брови черные, как видно,
В наймах изношу!

1848 г.

* * *

Муженька я дорогого
В дорогу послала,
Да из кабака к другому
Тропку протоптала.
За пшеном к куме ходила,
Чтобы успокоить
В хате с печкой ледяною
Деточек едою.
Накормила малых,
Спать им приказала
И пошла к дьячку потом,
Чтоб разжиться пятаком,
Да заночевала.
А из Крыма муженек
Еле ноги приволок;
Волы надорвались,
Телеги сломались,
С кнутиками чумаченьки
Домой возвращались.
Как вошел муж в хату,
Как не взвидит света:
Дети ползают за печкой
Несыты, раздеты.
«Где же ваша мать родная?» —
Молвит. Отвечают:
«Наша мать родная, знаем,
В кабаке гуляет».

1848 г.

* * *

У той Катри-Катерины
Хата — что палаты.
Заходили запорожцы
К Катерине в хату;
Один Семен Босьй,
Другой Иван Гольй,
Третий слазний вдовиченко,
Иван Ярошенко.
«Из'ездили Польшу
И всю Украинну,
А такой мы не видали,
Как ты, Катерина!»
Один молвит: «Брат мой!
Был бы я богатый,
То отдал бы все золото,
Чтоб час лишь единый
Побыть с Катериной».
Другой молвит: «Было б
Во мне втрое силы,—
Всю ее отдал бы, друже,
Чтоб час лишь единый
Побыть с Катериной».
Промолвил им третий:
«Нет того на свеге,
Чего б не достал я, дети,
Не добыл для Катерины
За час за единый».

Катерина задумалась
И так отвечает:
«Есть у меня брат родимый,
В плену он страдает,
Он в Крыму — в неволе вражьей.
Кто его добудет,
Тот, казаки-запорожцы,
Мужем моим будет».
Гости тотчас встали,
Коней оседлали.
И за братом Катерины
На юг поскакали.
Один в Днепре сгинул,
Как в темной могиле,
Другого в Козлове⁷⁹
На кол посадили,
Третий, Иван Ярошенко,
Славный вдовиченко,
Из люгой неволи
Из Бахчисаря⁸⁰
Брата вызволяет.

Утром двери заскрипели,—
Люди входят в хату:
«Вставай, вставай, Катерина,
Погляди на брата».
Глянула — и отступила,
И заголосила:
«То не брат мой! то мой милый!
Я с тобой хитрила».
«Ты схитрила!» И Катрина
Голова скатилась.
«В хате злой и злая доля,—

Выйдем, брат, на волю!»
 Поехали запорожцы,
 Только ветер в поле.
 Чернобровую ту Катрю
 В поле закопали,
 А славные запорожцы
 В степи побратались.

1848 г.

* * *

Из-за рощи солнце всходит,
 За рощу садится;
 Казак бродит по долине,
 Тоскует, томится.
 Битый час он бродит,
 Второй начинает,—
 Чернобровую напрасно
 Казак ожидает.
 Не выходит любимая
 Из темного леса...
 Выезжает из оврага
 С дворней зан-повеса,
 Травят казака борзыми,
 Назад вяжут руки,
 И казак тот принимает
 Смертельные муки.
 Пан в подполье молодого
 Его запирает...
 А дивчину, обесчестив,
 По миру пускает...

1848 г.

* * *

Ой, баю-баю, качаю сына
 И день и ночь...
 Пойдешь ты, сын мой, по Украине,
 Нас проклянешь.
 Сын мой, сыночек, лихом отца ты
 Не помяни!
 Мне быть проклятой: я виновата,—
 Меня кляни.
 Меня не станет,— ступай не к людям,
 В рощу ступай:
 Роща не спросит и не осудит,—
 Там и гуляй!
 Пойдешь по роще — найдешь калину,
 Остановись,
 Я так любила ее, сынок мой,
 Ей поклонись.
 Пойдешь в селенье,— в селенье этом
 Ты не томись,
 А если встретишь мать возле деток,
 То отвернись!..

1848 г.

* * *

Я в орешник, в лес ходила
 По орехи,
 Мельника я полюбила
 Для потехи.
 Мельник мелет, над мукою
 Он целуется со мною —
 Для потехи.

По грибы я в лес ходила,
 По опенки,
 Шорника я полюбила
 В той сторонке.
 Шорник сбрую подшивает,
 Меня сладко обнимает
 Он в сторонке.

За дровами в лес ходила,
 Снова, снова.
 Бондаря я полюбила —
 Черноброва.
 Бондарь обруч набивает,
 Меня к сердцу прижимает,
 Черноброву.

Скажет, спросит мать родна:
 «Я не знаю —
 Кто же первым зятем будет,
 Дорогая?»
 Я родной ответчу маме:
 «Сразу станут все зятьями,
 Дорогая!»

1848 г.

* * *

В воскресенье да ранешенько,
 Еще солнышко не всходило,
 Я ж, молодешенька,
 На шлях, на дорогу
 Невеселая выходила.
 Выходила за рощу на поляну,
 Чтобы мать не мешала;
 Чумаченька молодого
 Моего дорогого
 В пути я встречала.
 Повстречалась я
 За теми кустами
 Да с чумацкими возами.
 Идут его волы,
 Жуют волы серые,
 Идут на рассвете;
 А чумаченька молодого
 У волов и нету.
 Ой, копали ему в степи у дороги
 Да притыками⁸¹ яму;
 Завернули его в простую рогожу,
 Опустили Ивана

После в яму глубокую
 На кургане-могиле.
 Ой, боже милый! Милый, милосердный!
 А я так его любила!..

1848 г.

* * *

Протоптала тропочку
 Через яр,
 Через гору, миленький,
 На базар;
 Выносила бублики
 На толчок,
 Выручила, миленький,
 Пятачок.
 Я четыре денежки
 Пропила,
 Дудочнику денежку
 Отдала.
 Задуди-ка, дудочник,
 Во дуду,—
 Горе свое горькое
 Забуду!
 Вот какая дивчина
 Ждет тебя!
 Сватай меня, миленький,
 Я твоя!

1848 г.

* * *

И широкую долину,
 И высокую могилу,
 И тот вечер соловьиный,
 И что снилось-говорилось,
 Не забуду я.

Да что с того? Мы расстались,
 Словно вовсе не встречались.
 Зря лишь годы дорогие,
 Наши годы молодые
 Мимо протекли.

Мы состарились с тобою:
 Я — в неволе, ты — вдовою.
 Не живем, а доживаем,
 Только годы вспоминаем,
 Что давно ушли.

1848 г.

* * *

Кабы мне монисто, родная,—
 Завтра б утром в город пошла я:
 Там играют старым и малым
 Громкий бубен, скрипка, цимбалы.
 Ну, а девушки с парнями
 Милуются... Мама! Мама!
 Как несчастна я!

Ой пойду я богу помолюся,
 Да пойду я в батрачки наймуся,
 Черевички новенькие справлю,
 Музыкантов я играть заставлю.
 Вы не удивляйтесь, люди,
 Как плясать дивчина будет!
 Долюшка моя!

Ты не дай мне в девках остаться, —
 Косам расплетаться-заплетаться,
 Без дружка вековать черноокой
 И до гроба жить одинокой.
 На чужой работе, знаю,
 Брови черные линияют,—
 И несчастна я!

1848 г.

* * *

Не вернулся из похода
 Гусарик-москаль;
 Так в чем моя несвобода,
 За что его жаль?
 Не за то ль, что кафтан куцый,
 Что гусарик — черноусый,
 Что Машею звал?
 Не в том моя несвобода...
 В том, что вяну год от года —
 Замуж не берут.
 На улице дивчатами
 Осмеяна проклятыми:
 Гусаркой зовут!

1848 г.

* * *

За солнцем облачко плывет,
 Краснеет, полы расстиляет.
 И солнце спать оно зовет
 В морскую синь — и покрывает
 Розовую пеленою,
 Как ребенка к ночи.
 Любо глазу... Хоть часочек.
 Хоть один часочек
 Сердце словно отдыхает
 С богом в разговоре.
 А туман, как враг лукавый,
 Закрывает море
 И облачко розовое,
 И тьму за собою
 Призывает, расстиляет,
 И немою тьмою
 Обовьет твою он душу,
 И грустишь о свете —
 Ждешь его и не дождешься
 Как матери детч.

1849 г.

* * *

И тернистый и колючий
 Путь на Украину,
 Видно, я ее навеки,
 Навеки покинул!
 Верно, мне на Украину
 Не вернуться боле?
 Верно, самому придется
 Мне читать в неволе
 Эти думы? Боже милый,
 Тяжело мириться
 С этой жизнью, если сердцем
 Не с кем поделиться!
 Ты не дал мне, человеку,
 Доли человека!
 Я не знал ее веки!
 Веки! Веки!
 Не дал ты с девичьим сердцем
 Моему сродниться!
 Промелькнули дни и ночи
 Темной вереницей,
 Без любви и без радости
 Они промелькнули
 На чужбине! Не нашлось мне,
 С кем бы подружиться,
 И теперь мне даже не с кем
 Словом поделиться!
 Тяжело носить, о боже,
 Сердцу молодому
 Одному такие думы!..
 Никому родному
 Не сказать святого слова,
 И души убогих
 Не радовать, и не корить
 Человека злого —
 И скончаться!.. О господи!
 Дай хотя бы глянуть
 На народ поработанный,
 На мою Украину!

1849 г.

* * *

Зацвела в долине
 Красная калина;
 Будто рассмеялась
 Юная дивчина.
 Любо, любо стало!
 Пташка встрепенулась
 И защебетала...
 Проснулась дивчина
 И, свитку накинув,
 Из беленькой хаты
 По травам несмятым
 Спешит на долину.

Из рощи зеленой
 Выходит, встречая,
 Казак чернобровый,
 Целует, ласкает.

Идут по долине,
 Идут, напевают,
 Как деточек двое;
 Пришли к той калине,
 Уселись, обнялись
 И поцеловались...

Какого мы рая
 Еще ожидаем?
 Рай перед глазами,
 А мы в божьем храме
 Бога умоляем:
 Подай ты нам рая!
 Сказал бы я правду,
 Да что с того будет?
 Себе лишь на горе,
 А попам и людям —
 Им все равно будет.

1849 г.

* * *

Среди красот земного рая
 Прекрасней нет в моих глазах,
 Чем мать румяно-молодая
 С ребенком малым на руках.
 Порой гляжу и ей дивлюся,
 Дивлюсь, как чуду, и печаль
 Охватит душу: я томлюся
 Ее томлением, мне жаль
 Ее, и я пред ней молюся,
 Как перед матерью святой,
 Принесшей бога в мир земной.

Теперь в ней счастье расцветает;
 Она в ночной тиши встает,
 Свое богатство охраняет
 И с нетерпеньем утра ждет,
 Чтоб говорить, не умолкая,
 Ласкать сокровище свое
 И повторять: «Мое! Мое!»
 Глядеть восторженно, дивиться
 И богу за него молиться...
 Потом на улицу гулять,
 Идет, как гордая царица, —
 Ведь надо ж людям показать
 Свое сокровище, как диво!
 «Смотрите, как оно красиво,
 Прекрасней ваших всех!» — сказать
 Ей хочется. Когда прохожий
 Случайно взглянет на него,
 С какою радостью, мой боже,
 Она Ивася своего
 Несет домой! Ей показалось,
 Что все село им любовалось,
 Глядело только на него
 И все о нем лишь говорило,
 Что только там и дива было,
 А больше — ровно ничего...
 Счастливица!

Но дни мелькают,
Твои детишки подрастают;
И выросли, и разбрелись —
Одни по наймам разошлись,
Другие отданы в солдаты.
Ушел последний, и одна ты
Осталась век свой доживать.
Покинута старуха-мать:
Никто ей не истопит хаты
И не прикроет дряхлых плеч.
А ей уж трудно встать — зажечь
Огонь бессильными руками.
И в тьме томительных ночей
Она застывшими устами
Творит молитвы за детей.

А ты, страдальца! Полями
Обходишь села, вся в слезах,
Несешь ребенка. Гонит страх,
Рука малютку прикрывает:
И птичка иногда узнает
И всем расскажет-пропоет:
«Вот мать пригульного несет!»

Где ж краса твоя, бедняжка, —
Та, что чаровала,
Та, которой все дивились?
Нет ее, пропала!
Все ребенок взял и выгнал
Из отцовской хаты;
И пошла ты бледной тенью
В путь, людьми проклятый.
Даже нищий, как к заразной,
Подойти не смеет...
А сынок твой даже ползать
Еще не умеет.
И когда-то он, играя,
Взор твой тешить будет
И великим словом мама
К радости пробудит?
Ты дитяти все расскажешь —
Хоть пред ним осудишь
Соблазнителя-злодея
И счастлива будешь...
Но недолго. Сном-обманом
Это счастье минет:
Он пойдет водить слепого,
А тебя покинет,
Как калеку на распутьи,
Чтоб собак дразнила,
И еще за то облает,
Что на свет пустила,
Да за то, что беззаветно
Ты его любила...
И любить не перестанешь,
Будешь бредить сыном,
Замерзая в лютый холод
Где-нибудь под тыном...

Оттого и жаль мне станет
Матери несчастной,
Что она за чадо гибнет
Жертвою напрасной:

Чтоб вскормить его, поганца,
Тратит без просвета
Дар прекрасней всех сокровищ —
Молодые лета.
А из чада вырастает
Выродок убогий
Или худшее проклятье —
Сатана безрогий.
За пригульного ребенка
Такова расплата;
Не на радость воспитаешь,
Будь хоть и богата.
Хорошо на свете барам:
Ничего не знают
И не знают, как их дети
У них вырастают, —
Нет там матери, там мамок
К детям нанимают.

1849—1858 г.

* * *

В светлый праздник на соломе
В крашенки играли
Дети на припеке в полдень
И хвалятся стали
Обновами. Той рубашку
С вышивкой пошили
К празднику. А этой — ленту,
Той венок купили.
Кому шапку из мерлушки,
Сапожки с подковой,
Кому свитку... Одна только
Сидит без обнови
Сиротинка, руки прячет
В рукава украдкой.
— А мне мамка покупала...
— А мне справил батько...
— А мне крестная к рубашке
Подол вышивала.
— У попа я обедала! —
Сиротка сказала.

1849 г.

* * *

Бывает, иногда старик
Негаданно помолодеет,
И пусть от пеня он отвык,
Но даже петь старик затеет;
И встанет ясная пред ним
Надежда ангелом святым,
И молодость — звезда его —
Взойдет над стариком седым!
Так что же приключилось с ним?
Бодр отчего он? Оттого,
Что дело доброе задумал
Он, видите ли, совершить.
Вдруг совершит? Как сладко жить

Тому, кто и душой, и думой
 Умеет доброе любить!
 Не раз он вознесен судьбою,
 Не раз барвинком расцветет.
 Так в яму, где все полно тьмою,
 Заглянет солнышко святое,
 И там, как бы на вызов тот,
 Трава зеленая взойдет.

1849 г.

* * *

И золотую, и дорогую
 Мне вспомнить, знаете, не жаль
 Всю молодость мою былую.
 А все же иногда печаль
 Найдет, и плачешь от обиды!..
 Особенно когда увидишь,
 Что деревенский мальчуган,
 Как с ветки сорван, бос и рван
 И одинешенек, под тыном
 Сидит в заплатанной холстине.
 Мне кажется, что это я,
 Что это молодость моя.
 И мнится, что в широком поле
 Он никогда не встретит воли,
 Привольной волюшки; что так
 Напрасно, даром пролетят
 Все лучшие его года;
 Что бесприютным будет где-то
 Скитаться он на белом свете,
 Пойдет батрачить; а потом
 Его, чтоб зря он не томился,
 Чтоб где-нибудь да приютился,
 Служить погонят с бритым лбом.

1849 г.

* * *

Когда б вы знали, господа,
 Где плачут люди, вы тогда
 Своих идиллий не творили б,
 Не умилялись бы всегда!
 За что, не знаю, называют
 Мужичью хату божьим раем...
 Там, в хате, мучился я,
 Там первая слеза моя
 Когда-то пролилась! Не знаю,
 Найдется ли у бога зло,
 Что в хате той бы не жило?
 А хату раем называют!

Ее не назову я раем,
 Убогой хаты в тихом гае,
 Где пруд — на рубеже села.
 Там мать моя мне жизнь дала,
 И с песней колыбель качала,
 И песней скорбь переливала
 В свое дитя. Я в хате той
 Не счастье и не рай святой —
 Я ад узнал в ней!.. Там забота,

Нужда, неволя и работа
 И помолиться не дают.
 Там ласковую мать мою
 Свели в могилу, молодую,
 Труд с непосильною нуждою;
 Отец поплакал, вторя нам
 (Мы, дети, были малы, голы) —
 Но панщины ярем тяжелый
 Носил недолго он и сам.
 Мы, как мышата, по дворам
 Все расползлись. Трудясь для школы,
 Таскал я воду школярам.
 Покуда братьям лбы забили,
 Они на паншину ходили.
 А сестры!.. Сестры! Горе вам,
 Мои голубки молодые!
 Куда, бездомным, вам лететь?
 Росли в батрачках, всем чужие,
 В батрачках до седин дожили,
 В батрачках вам и умереть!

Дрожу, когда лишь вспоминаю
 Ту хату на краю села!
 Такие, боже наш, дела
 У нас в раю, страшной не знаю
 На праведной земле твоей!
 Ад сотворили мы на ней—
 И чаем неземного рая!
 В ладу мы с братьями живем,
 Руками братьев нивы жнем
 И их слезами поливаем.
 А может быть... не утверждаю,
 Мне кажется лишь... сам еси...
 (Ведь без твоей же воли, боже,
 В раю нам мучиться не жеже!)
 Быть может, сам на небеси
 Смеешься, отче наш, над нами,
 Совет держа тайком с панами,
 Как править миром?.. Глянь туда:
 Вон видишь, вербы у пруда,—
 Сквозь гущину ветвей сверкает,
 Вода белеет полотном,
 А вербы никнут над прудом,
 И ветви легкие купают
 И тихо шепчут... Правда, рай?
 А приглядишься к нему, узнай,
 Что там творится, что бывает!
 Конечно, радость и хвала
 Тебе, единому, за святость,
 За дивные твои дела?
 Нет, боже, не хвала, не радость,
 А кровь, да слезы, да хула,
 Хула всему, всему! Не знают
 Святого люди ничего!
 Уже — ты слышишь! — проклинают
 Тебя, владыка, самого!

1850 г.

* * *

Огни горят, оркестр играет,
 Музыка плачет, завывает.
 Алмазом добрым, дорогим

В девичьих взорах блещет младость,
Надежда в них живет и радость,
В очах веселых. Любо им,
Очам безгрешным, молодым!
И все хохочут и смеются,
И все танцуют. Только я
Смотрю, и тайно слезы лютятся,
И словно заколдован я.
Чего ж я плачу? Жаль мне, видно,
Что так бесцветно, так обидно
Минула молодость моя.

1850 г.

* * *

Мне снился сон: где под горою
Склонились вербы над водою,
Там хатка белая стоит,
А рядом с ней старик сидит
И внука на руках качает.
И дальше снилось: вот сбегает
Мать, улыбаяся, с крыльца,
Целует сына и отца,
Ребенка на руки берет
И в хату спать его несет.
Старик один сидит, и тихо
Он шепчет: «Где ж ты, горе-лихо?»

Крестясь, он «Отче наш» читает;
Сквозь вербы солнышко сияет,
Садясь за дальнею горой;
И спать идет старик домой..

1850 г.

ЮРОДИВЫЙ

Во дни фельдфебеля-царя⁸²
Капрал Гаврилович Безрукий⁸³
Да унтер пьяный Долгорукий⁸⁴
Украиной правили. Добра
Они изрядно натворили,—
Немало в рекруты забрили
Людей сатрапы-унтера⁸⁵.
А всех усерднее Гаврилыч
С меньшим ефрейтором⁸⁶ своим,
Отменно шустрым и лихим,
Так весь народ замуштровали,
Что сам фельдфебель любовались
Муштровкою и всем другим
И «благосклонны пребывали
Всегда к ефрейторам своим».
А мы смотрели и молчали,
Скребли в безмолвии чубы,—
Немые, подлые рабы,
Холопы царские, лакеи
Капрала пьяного! Не вам,
Не вам, расшитые ливреи,
Доносчики и фарисеи,
За правду пресвятую встать

И за свободу. Распинай,
А не любить, учились брата!
О род презренный и проклятый,
Когда издохнешь ты? Когда
И мы дождемся Вашингтона⁸⁷
И правды нового закона?
Авось, дождемся, будем ждать!
Не сстни вас, а миллионы
Полян, дулебов и древлян⁸⁸
Гаврилыч гнул во время оно;
А вас, почтенных киевлян,
И ваших милых киевлянок,
Отдал своим профосам⁸⁹ пьяным
В батрачки тот сатрап-капрал,—
Вам горя мало! А меж нами
Нашелся все же некий малый,
Такой чудак-оригинал,
Что в морду залепил капралу,
Да прямо в церкви. И пропало,
Как на собаке.

Так-то, так!

Нашелся все ж один казак
Из миллиона свинопасов,
Что всю империю смутил,
Сатрапу в морду закатил.
А вы, юродствуя, тем часом,
Покуда мучимся капрал,
Вы об'явили юродивым
Святого рыцаря. А бывый
Фельдфебель ваш, Сардананал⁹⁰,
Послал на каторгу святого,
А для побитого, сегого
Сатрапа «вечно» пребывал
Преблагосклонным...

И другого

Не вышло ничего. И драму
По темным закоулкам прямо
На свалку вынесли. А я,—
О, ясная звезда моя! —
Меня, из пут освобождая,
Ведешь на свалку к Николаю
И светишь и горишь над ним
Огнем невидимым, святым,
Животворящим. В смрадном хламе
Передо мной встают столпами
Его безбожные дела.
Безбожный царь, источник зла,
Гонитель правды, кат жестокий,
Что натворил ты на земле!

А ты, всевидящее око!
Знать, проглядел твой взор высокий,
Как сотнями в оковах гнали
В Сибирь невольников святых?
Как истязали, распинали
И вешали?.. А ты не знало?
Ты видело мученья их
И не ослепло?.. Око, око!
Не очень смотришь ты глубоко.
Ты спишь в кюте, а цари,—
Да чур им, тем царям прожженным!
Пусть тешатся кандалным звоном,—

Я думой полечу в Сибирь,
Я за Байкалом гляну в горы,
В вертены темные и норы
Без дна, глубокие, и вас,
Поборников священной воли,
Из тьмы, и смрада, и неволи,
Царям и людям напоказ,
Вперед вас выведу, суровых,
Рядами длинными в оковах...

1857 г.

ДОЛЯ

Ты не лукавила со мною;
Ты другом стала и сестрою
Мне бедному. Меня взяла
Ты за ребяческую руку
И к пьяному дьячку свела,
И огдада ему в науку.
«Учись! Когда-нибудь, малыш,
И выйдем в люди», — ты сказала.
А я послушался; глядишь —
И выучился. Ты ж солгала!
Да зря! Куда уж в люди нам?
Мы не лукавили с тобою,
Мы прямо шли, и ни зерна
У нас неправды за собою.
Пойдем же, долюшка моя,
О, друг мой бедный, нелукавый,
Пойдем все дальше: дальше — слава,
А слава — заповедь моя.

1858 г.

МУЗА⁹¹

А ты, пречистая, святая,
Подруга Феба⁹² молодая!
Меня ты на руки взяла
И в даль степную унесла,
И на кургане среди поля,
Как волю, чистое раздолье,
Седым туманом повила,
И пленала, и ласкала,
И чары деяла... И я...
Мой друг, волшебница моя!
Ты мне повсюду помогала,
Заботой нежной окружала.
В степи, безлюдной и немой,
В далекой неволе
Ты сияла, красовалась,
Как цветок средь поля.
Из казармы душной, грязной
Чистою, святою
Ты пташкою вылетела —
И вдруг надо мною
Полетела и запела...
Золотые крылья
Животворною водою
Душу окропили.

И я живу, и надо мною
Своею божьей красотой
Сияешь ты, звезда моя,
Моя наставница святая,
Моя ты доля молодая!
Не оставляй меня. В ночи,
И днем, и в утреннем тумане
Ты надо мной витай, учи,
Учи нелживыми устами
Вещать лишь правду в наши дни,
Молитвой сердце облегчая.
Когда ж умру, моя святая,
Моя родная, — схорони
Сама ты горемыку-сына
И хоть слезу, мой друг единый,
Из глаз бессмертных урони.

1858 г.

СОН

Она на барском поле жала —
И тихо побрела к снопам —
Не отдохнуть, хоть и устала,
А покормить ребенка там.
В тени лежал и плакал он.
Она его распеленала —
Кормила, нянчила, ласкала —
И незаметно впала в сон.
И снится ей, житьем довольный,
Ее Иван... Пригож... богат...
На вольной, кажется, женат —
И потому, что сам уж вольный...
Они с лицом веселым жнут
На поле собственном пшеницу;
А детки им обед несут...
И тихо улыбнулась жница.
Но тут проснулась... Тяжко ей!
И, спеленав малютку быстро,
Взялась за серп, — дожать скорей.
Урочный сноп свой до бурмистра.

1858 г.

* * *

Я, чтоб не сглазить, не хвораю.
Но взором что-то примечаю...
Чего-то сердце ждет... Болят
И, как голодная малютка,
Все плачет-плачет и не спит.
Чего ж ты ждешь с тоскою жуткой?
Беды?.. Добра не ожидай,
Не ожидай желанной воли:
Приспал ее царь Николай;
Уснула и не встанет боле
Она сама. Чтоб разбудить
Больную волю, надо миру
Собраться, обух закалить
И наточить острее секиру —
Да и начать тогда будить.

Или ничто уж не разбудит
Ее до страшного суда!
А барство все бзюкать будет,
Чтобы уснула навсегда,
Дворцы и храмы будет ставить,
Да пьяного царя любить,
Да византийство⁹³ хором славить,
И все... Да так и станем жить.

1858 г.

ФЕДОРУ ИВАНОВИЧУ ЧЕРНЕНКУ

На память о 22 сентября 1859 г.

Ой, на горé яр-хмель цветет,
А под горой казак идет,
Да невесел, все томится:
Где же счастье, где таится?

То ли в корчме с богачами?
То ли в степи с чумаками?
То ли вихрем в чистом поле
Развеяно по раздолью?

Не там, не там, друг-приятель,
У дивчины, в чужой хате,
В полотенце да в холстине
Запрятано в новой скрыне.

1859 г.

СЕСТРЕ

Так, проходя по бедным селам,
Понадднепровским невеселым,
Я думал: где приют найду,
Где денусь я, за что страдаю?
И мне приснился сон: в саду
Одна, цветами обвитая,
Как будто девушка стоит.
На горке невысокой хата
И Днепр наш, водами богатый,
Струится, блещет и горит!
И вижу: в темноте, в садочке,
Одна под вишней, в холодочке,
Моя единая сестра,
Многострадальная, святая,
В прохладе рая почивает,
Из-за широкого Днепра
Все несчастливца поджидает,
И чудится ей: челн мелькает,
Над волнами взлетает челн
И вновь скрывается меж волн...
«О братец мой! Моя ты доля!»
И просыпаемся мы вдруг: ты...
На барщине, а я в неволе!
Вот так с младенчества итти
Пришлось нам по колючим нивам!
Молись, сестра! Коль будем живы,
Бог нам поможет их пройти.

1859 г.

* * *

Девушка, мила, красива,
Несла пьяным пиво.
А я глянул — подивился,
Даже рассердился.
Даже рассердился.
Кому она пиво носит?
Что ходит босая?
Боже сильный, твоя сила
Тебе ж и мешает!

1860 г.

* * *

Ой дуброва темноброва,
Прохладные недра,
Трижды в год ты — вновь одета
Родителем щедрым.
Он укроет тебя плотно
Зеленым покровом
И сам стоит, любится
На свою дуброву.
Наглядевшись на доченьку,
Любу, молодую, —
На плечи ее накинёт
Ризу золотую,
Потом рядит сукном белым,
Шубой дорогою...
Да и уснет, утомленный
Заботой такою.

1860 г.

* * *

Над Днепровскою водою
Стоит явор меж лозою,
Меж лозою, меж тонкою,
С калиною и елкою.

Вода берег роет-роет,
Яворовы корни моет;
Наклонился он угрюмо,
Как казак, задумал думу,

Что без племени, без рода,
Он стареет год от года,
Без подруги черноокой,
Несчастливый, одинокий.

Явор молвит: «Наклонюся
Да в Днепре искупаюся».
Казак молвит: «Погуляю,
Любимую повстречаю».

А та елка с калиною,
Вместе с тонкой лозиною,
Как дивчата, выступают,
Выступая, распевают.

Разубраны, наряжены
С счастьем-долей повенчаны,
Дум-забот они не знают,
Вьются-гнутся, распевают.

1860 г.

* * *

Свет мой ясный, свет мой тихий,
Свег мой вольный, всем открытый!
Ты за что же, свет, мой братик,
В твоей доброй, теплой хате
Так окован, замурован
(Не премудрый ли оплеван?),
Багряницами закрытый
И распятием добитый?..
Не добитый! Встрепенися
И открыто нам явися!
Просвети нас!.. Будем, брат мой,
Багряницы в клочья драть мы,
Трубки от кадил закурим,
Печь топить «святыми» будем
А кропилом станем, брат мой,
В новой хате подметать мы.

1860 г.

* * *

Хотя лежачего не бьют⁹⁴,
Да и покою не дают
Ленивому... Тебя ж, о Сука!
И сами мы, и наши внуки,
И люди миром проклянут.
Не проклянут, а только плюнут
На тех раскормленных щенят,
Что ты щенила. Мука! Мука!
О скорбь моя, моя печаль!
Когда ты сгинешь? Или псами
Цари с министрами-рабами
Тебя затравят, изведут?
Не изведут! А люди тихо,
Без всякого лихого лиха,
Царя на плаху поведут.

1860 г.

* * *

О, люди бедные земные⁹⁵!
Зачем же нужны вам цари?
Зачем же нужны вам псарь?
Ведь люди вы, а не борзые!

То снег, то брызги дождевые,
Скользишь, дрожишь. В ночи Невы
Куда-то тихо понесла
Под мостом тоненькую льдинку.
Бреду в такую-то вот ночь,
Не в силах кашля превозмочь:
Смотрю: идут в плохой одежде
Дивчата, на ягнят похожи,
А дед, несчастный инвалид,
Плетется сзади, ковыляет.
Как в загородку загоняет
Чужих овец... Да где же стыд?
И где же правда? Горе! Горе!
И ненакормленных и голых
Сироток, как овечье стадо,
Ведут («последний долг отдать»),
Ведь ждет их ласковая мать!
Что ж, будет суд? Суда ль не надо
Царям, правителям земли?
Иль будет правда меж людьми?..
Ей должно быть, ведь солнце встанет
Всю грязь сожжет, и зла не станет.

1860 г.

* * *

Течет вода от явора
Яром на долину;
Поит вода студеная
Явор да калину.
Зарумянилась калина,
Явор молодеет,
А кругом их вербы гнутся,
Лозы зеленеют.

Течет вода из-за леса,
Под горой высокой;
Где-то плещутся утята
Меж густой осокой.
Уточка за ними следом
С селезнем проплыла,
С детками вела беседу
Да рыску ловила.

Течет вода мимо сада,
Вода прудом стала;
Пришла по воду дивчина,
Песню запевала.
Вышли мать, отец в садочек:
«Давай-ка присядем
Да прикинем, кто ж нам будет
Называться зятем?»

1860 г.

ПРИМЕЧАНИЯ *)

1. **Гамалей.** Исторического атамана Гамалеи мы не знаем. В этом произведении изображается один из морских походов запорожцев на Царьград (Константинополь, Стамбул), столицу Турции, и освобождение ими пленников из турецкой неволи.

2. **Великий Луг.** В давние времена так называлась местность по левую сторону Днепра, недалеко от его устья, покрытая озерами и густым кустарником. Эта местность принадлежала Запорожской Сечи; здесь запорожцы рыбачили и охотились.

3. **Туга** (укр.) — тоска.

4. **Скутари** — предместье Царьграда.

5. **Босфор** — пролив, соединяющий Черное море с Мраморным.

6. **Хортица** — остров на Днепре. Существовало мнение, что там одно время находилась Запорожская Сечь.

7. **Янычары** — султанская гвардия.

8. **Византия** — давнее название Константинополя (Царьграда, теперь Стамбула).

9. **Дарданеллы** — пролив, соединяющий Мраморное море с Эгейским.

10. **Монах.** Имеется в виду гетман Петр Конашевич-Сагайдачный, прославившийся походами на турок. Предание, что он умер в монастыре, не соответствует действительности. Он умер в 1622 г. от раны, полученной в бою.

11. **Галата** — предместье Стамбула.

12. **Иван Подкова.** В 70-е годы XVI ст. Подкова во главе казацкого отряда захватил на некоторое время власть в Молдавии, которая принадлежала тогда Турции. Турецкое войско принудило Подкову отступить назад на Украину. По требованию Турции, в 1578 г. польское правительство передало Подкову смертной казни.

13. **Царь свободы, царь клеймом увенчанный.** Шевченко рисует здесь образ сосланного в Сибирь на каторгу революционера.

14. **На трясине город мреет.** Речь идет о Петербурге, возникшем, по выражению Пушкина, «из тьмы лесов, из топи блат».

15. **Сам** — царь Николай I.

16. **Так вот она, та богиня!** — Некоторые русские юзты восхваляли красоту супруги Николая I.

17. **Еретик.** Еретиками церковь называла людей, которые выступали против нее и ее учения. В Чехии был провозглашен еретиком Ян (Иван) Гус (1369—1415 г.). За смелые выступления против католической церкви он был предан сожжению в г. Констанце (ныне в Швейцарии). Гус сыграл выдающуюся роль в борьбе против феодально-католической церкви и немецких порабощателей в Чехии, в борьбе за национальную и культурную независимость чешского народа.

18. **Шафарик, Павел** — (1795—1861 г.) — чешский ученый, поборник идеи объединения всех славян в один союз (федерацию).

19. **Иезекииль** — библейский пророк.

20. **Камень, его же небрегоша** и т. д. Перевод: Камень, к которому с пренебрежением отнеслись строители, положен был во главу угла, от господ был он, и дивен он для нашего взора.

21. **Монах откормленный** — римский папа, который называл себя преемником апостола Петра и наместником бога на земле.

22. **Всуе** (древнеславянское слово) — напрасно, тщетно.

23. **Тиара** — корона папы римского, формой похожа на три короны.

24. **Вифлеемская каплица** — часовня в Праге, где Гус произносил проповеди, направленные против католического духовенства.

25. **Булла** — послание римского папы. Здесь имеются в виду т. наз. индульгенции, грамоты, которыми за определенную плату католическое духовенство «отпускало (прощало) грехи».

26. **Догматы** — основные, принимаемые на веру религиозные положения (о происхождении мира, о характере божества и т. п.).

27. **Конклав** — собрание кардиналов (высших сановников католической церкви).

28. **Ватикан** — местопребывание папы римского.

29. **Авиньон** — город на юге Франции, где одно время жили римские папы.

30. **Антипапы.** Случалось, что разными группами духовенства одновременно бывали избраны два и даже три папы. Каждый из них считал только себя законным папою, а соперников своих антипапами (противопапами).

31. **Герольды** — глашатаи, которые публично объявляли приказы короля и извещали о начале торжественных церемоний.

32. **Сарацины** — так называли в средние века арабов и некоторые другие народы магометанской веры.

*) Большинство примечаний взято с незначительными изменениями из украинского издания «Кобзаря» 1939 г. (Київ, Державне Літературне Видавництво). Используются также примечания к «Кобзарю» в русских переводах (Москва, Государственное издательство «Художественная Литература», 1939 г.)

33. Аттила — великий завоеватель, вождь гуннов в 445—453 г.г., прославился своими походами и громадными завоеваниями в Азии и Европе.

34. И кесаря, и Вячеслава. Кесарь (царь) Сигизмунд — немецкий император (1410—1437 г.). Вячеслав — брат его, тоже немецкий император в 1376—1400 г.г. и король чешский, умер в 1419 г.

35. Прелаты — высшие духовные лица католической церкви, имевшие право суда.

36. Будто кедр в поле у Ливана. Ливан — горы в Сирии. Там росли знаменитые кедровые леса.

37. Аутодафе — смертная казнь через сожжение на костре, широко применявшаяся в средние века.

38. Голгофа — гора возле Иерусалима, на которой, по евангельскому преданию, был распят Иисус Христос.

39. Te deum (те деум) — начало католической молитвы «тебя бога хвалим».

40. Трапеза — пища, пиршество.

41. Орел... вместо гуся. Здесь Шевченко разумеет Лютера (1483—1546), религиозными реформами расколовшего католическую церковь.

42. Старый Жижка из Табора. Ян Жижка в 1419 г., после казни Яна Гуса, стал во главе восстания чешского народа против немецкого владычества в Чехии.

43. Яков де Бальмен — близкий знакомый Шевченка, офицер, художник, иллюстратор рукописного «Кобзаря» (1844 г.). Погиб на Кавказе во время похода против черкесов (1845 г.).

44. Кто даст главе и т. д. Перевод: Кто даст голове моей воду, и очам моим источник слез, и оплакиваю день и ночь убитых.

45. Прометей — образ титана, полубога по древнегреческим преданиям. Он будто бы похитил у богов огонь и дал его людям. За это самый старший бог Зевс велел приковать его к скале на кавказской высокой горе, и орел ежедневно клевал его печень. Чтобы муки Прометея длились вечно, Зевс сделал так, что печень у него за ночь вырастала, и ее снова клевал орел. — С именем Прометея связывают позднейшие поколения людей жажду свободы, стремление к свету, знаниям, прогрессу.

46. Чурек — хлеб. Сакля — жилище.

47. Мирра — душистая смола.

48. Холодный Яр — яр (овраг) в лесу, недалеко от Чигирина. Тут собирались в 1768 году гайдамаки (повстанцы) для борьбы против панов.

49. Монастырь Матрены (Мотронин монастырь) находился вблизи Чигирина. Там собирались повстанцы 1768 года.

50. Максим Железняк (Зализняк) и Иван Гонта — вожди народного гайдамацкого восстания против панов 1768 года (т. наз. Коливщины). Город Умань — центр гайдамацкого движения.

51. Лютого Нерона. В рукописной копии с исправлениями Шевченко тут написано: Миколу-Нерона. Нерон — древнеримский царь, известный своей жестокостью. Микола — Николай I.

52. «Пятно в нашей истории». Здесь Шевченко приводит слова одного из историков, которые считали народных повстанцев, гайдамаков, разбойниками. Дальше поэт горячо оспаривает это мнение.

53. Не зарежет... изменника-сына. Намек на легенду, согласно которой Иван Гонта будто бы зарезал своих сыновей, как изменников.

54. Костомаров Николай — известный украинский и русский писатель и историк, приятель Шевченка, с которым Шевченко расхаживал, однако, особенно в последние время, в политических и общественных взглядах.

55. Подол — часть Киева у самого Днепра.

56. А из Братства все бурсацтво смотрит, голода. Бурсацтво — бурсаки, ученики Киево-Могилянской Коллегии, основанной в начале XVII ст. при Братском монастыре в Киеве на Подоле.

57. Межигорский спас — «казачий монастырь» под Киевом, куда на старости лет уходили «замаливать грехи» запорожцы.

58. «Пугу! Пугу!» — крик, которым приветствовали друг друга запорожцы.

59. Луг — см. примечание 2-е.

60. Семен Палей (Палий) — фастовский полковник (см. примечание 63). В действительности Палей не был монахом, — он только похоронен в оград Межигорского монастыря. Умер в 1710 году.

61. Вышгород — село под Киевом.

62. Звонковая криница (колодец) около Межигорского монастыря. (Примечание Шевченка).

63. Старый гетман (в оригинале седой гетман) Иван Мазепа, который был врагом Палея и арестован его во время пира в своем лагере под Бердичевом. По доносу Мазепы царю Петру I Палей был сослан в Сибирь, откуда, после раскрытия измены Мазепы, возвращен вместе со шведским королем Карлом XII против России, Палей был возвращен Петром I и принял участие в Полтавском бое, где его советы сыграли важную роль.

64. О Бердичеве см. предыдущее примечание.

65. Борзна — родина Палея. Фастовщина — местность на Украине (центр — город Фастов), где Палей был полковником.

66. Клобук — монашеский головной убор.

67. Четки — бусы (деревянные, стеклянные, костяные и т. п.), которые перебирали верующие, ведя счет литвам и поклонам.

68. Госпожинки — праздник успения (15 августа).

69. Компанейцы — наемная гвардия гетмана.

70. Китайка — материя.

71. Характерник — колдун. Некоторым из своих товарищей запорожцы приписывали колдовскую силу.

72. А. О. Козачковский (1812—1889) — врач, знавший Шевченка.

73. Сковорода, Григорий Саввич (1722—1798) — известный украинский философ и поэт. Его песни, басни и псалмы были очень популярными среди народа.

74. Три царие со дары — слова из колядки (рождественской песни).

75. Урал — река, над которой стояла крепость, где Шевченко был в ссылке в 1847—48 г.г.